

Дмитрий Ружников

ПОЛЯК

Дмитрий Ружников

Поляк. Роман первый

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6504533

Поляк. Роман первый: Геликон Плюс; Санкт-Петербург; 2013

ISBN 978-5-93682-918-5

Аннотация

«Поляк» – роман о забытых войнах, о мужской дружбе, о мужестве и отваге, о верности воинской присяге, о трусости и предательстве, о любви.

Глеб Смирнитский, поляк, офицер лейб-гвардии Семеновского полка проходит через множество боев и испытаний, ни разу не усомнившись в единожды данной им клятве русского офицера. «Это люди чести! Даже если они враги», – говорит о нем И. Сталин.

Содержание

Часть первая	11
I	11
II	15
III	22
IV	36
V	50
VI	54
VII	59
VIII	65
IX	76
X	85
XI	90
XII	97
XIII	99
XIV	104
XV	114
XVI	120
XVI	122
XVII	130
XVII	133
XVIII	143
XIX	150
XX	161

XXI

167

XXII

170

Конец ознакомительного фрагмента.

179

Дмитрий Ружников

Поляк. Роман первый

© Д. Ружников, текст, 2013

© «Геликон Плюс», оформление, 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*Дай Бог поменьше рваных ран,
Когда идет большая драка.
Дай Бог побольше разных стран,
Не потеряв своей однако...*

Евгений Евтушенко

Народ, не имеющий своих героев, обречен на гибель.

Веселясь и подтрунивая друг над другом, группа студентов исторического факультета знаменитого Парижского университета Сорбонна рассматривала небольшой, всего в

несколько минут, фильм с нечеткими и прыгающими кадрами. На экране стреляли какие-то допотопные пушки, бесшумно взрывались снаряды, поднимая столбы земли, солдаты бежали в атаку, падали, а в конце фильма медленно, криво проползли и застыли несколько кадров, на которых два молодых человека, очень красивых, стройных, высоких, в военной форме, с орденами-крестами на груди, о чем-то беззвучно говорили и весело улыбались с экрана.

– Какие симпатичные! – пронеслось по женской половине аудитории. – Таких красивых лиц сейчас не встретишь. Господин профессор, это документальный фильм? Кто эти военные? Французы?

– Коллеги, – сказал профессор истории Жан Дюкло, – кто-нибудь сможет мне ответить, какой период мировой истории показан в этом фильме?

По аудитории пронесся шорох непонимания, и вдруг одна студентка подняла руку и воскликнула:

– Я знаю, кто это! Это русские офицеры во время Первой мировой войны. У нас дома есть фотография моего прадеда в такой же военной форме и хранятся его награды – такие же кресты. Прадед у меня из России и воевал в русской армии, которая защищала Париж.

– Как Париж? – удивленно спросил кто-то из студентов.

– Да, в нашей семье известно, что он был в составе армии, посланной во Францию русским царем для защиты Парижа.

– Очень хорошо, Анна, – сказал профессор Дюкло. – Ни-

кто больше ничего не хочет добавить? Анна права – это русские офицеры времен Первой мировой войны. Более того, это не просто офицеры, а офицеры лейб-гвардии Семёновского полка, первого регулярного воинского формирования, которое создал русский император Пётр I по подобию тогдашних военных полков европейских стран. До Петра в России не было регулярных войск, были стрельцы и ополчение. Над этим полком шефствовали все русские императоры. В мундире этого полка захватила власть и стала императрицей Екатерина II, впоследствии названная «Великой». На пленке два офицера этого полка; судя по погонам – поручики: тот, что справа, – Михаил Тухачевский, будущий маршал Советского Союза, он был расстрелян по приказу Сталина. Кстати, во время Первой мировой войны он попал в немецкий плен и находился в одном лагере для военнопленных с будущим президентом Франции Шарлем де Голлем, и тот в своих воспоминаниях отзывался о нем как об одном из самых храбрых офицеров, которого он когда-нибудь встречал. Де Голль вспоминал, что такого же храброго офицера он встретил во время своей службы в двадцатых годах прошлого века в Польше, где он принимал активное участие в борьбе против напавшей на эту страну большевистской России, войсками которой – вот вам и превратности судьбы – руководил Михаил Тухачевский. Де Голль пишет в своих мемуарах, что это был поляк по фамилии Смирнитский, с которым они вместе прибыли в Польшу из Франции, куда тот

добрался из России, где был капитаном в царской армии и имел множество наград. И де Голль, и этот поляк за проявленный героизм в защите свободы Польши были награждены польскими орденами. К сожалению, мы ничего о капитане по фамилии Смирнитский в архивах не нашли: ни в Польше, ни в России, что, конечно, очень странно. Правда, в сороковых годах прошлого века, во время оккупации Польши Советским Союзом, многие документы в польских архивах были уничтожены, а о закрытости русских архивов я и не говорю. О расстреле тысяч польских офицеров в Катыни Россия призналась только сейчас, через семьдесят лет, и то в России есть много людей, которые, несмотря на неопровержимые доказательства, продолжают утверждать старую сталинскую ложь, что это сделали немцы во время Второй мировой войны.

Но об этом мы будем говорить на следующей лекции. Я сделал это небольшое отступление, чтобы вы понимали, как много мы не знаем об этой войне, в которой погибли миллионы людей и распались четыре самые империи: Российская, Австро-Венгерская, Германская и Османская. Во всем мире эту войну называли «Великой войной», но когда в 1939 году началась новая мировая война, ее переименовали в «Первую мировую войну». В царской России ее называли «германской», «Второй отечественной»; захватившие власть в России Ленин и большевики назвали эту войну «империалистической», «захватнической». О ней в Советском Сою-

зе почти ничего не говорилось, это была для русских самая неизвестная за всю их историю война, хотя она закончилась революцией и гибелью российской империи. О войнах Александра Македонского школьники в Советском Союзе знали больше, чем об этой войне. Вот и о втором офицере с этого снимка нам, к сожалению, ничего не известно. Но, судя по наградам, это был очень храбрый офицер.

Коллеги, тема нашей сегодняшней лекции: «Роль России в Первой мировой войне и в победе Антанты над Германией и Австро-Венгрией».

– А разве русские в ней участвовали? – раздалось из аудитории.

– Жак, вы не слышали, что я только что рассказывал? Прекратите шептать на ушко вашей милой соседке и, может быть, услышите что-нибудь новое для себя. Да, участвовали! И Анна правильно сказала о Русском экспедиционном корпусе во Франции. Это, конечно, была не армия, но это были несколько десятков тысяч солдат, и они так храбро дрались, что немцы боялись наступать на участках фронта, где были русские. Если бы не русские, немцы, возможно, захватили бы Париж, а Франция проиграла бы войну Германии.

– А я читал, что и Первую, и Вторую мировую войну выиграли американцы и Францию от поражения спасли они.

– Да, американцы, конечно, сыграли значительную роль в победе над немцами в Первой мировой войне, особенно в конце войны, когда численность их войск составила почти

два миллиона солдат, но все-таки вы, уважаемый коллега, заблуждаетесь. И я постараюсь вас в этом переубедить...

Профессор поправил свой модный вельветовый пиджак и стал рассказывать. Рассказчик он был великолепный. Аудитория притихла и стала заинтересованно и внимательно слушать...

Часть первая

Вторая отечественная

I

Вот судьба так судьба. Думал ли туберкулезник Гаврило Принцип, что станет то ли величайшим злодеем, то ли величайшим героем двадцатого века? Ну носился больной паренек с идеями террористскими, так кто из молодежи с такими идеями в начале того века не бегал? Вон, вся Россия была в «бомбистах» – взрывали и стреляли всех: от императора и его министров до губернаторов и помещиков. А тут Балканы! Только-только из-под Османской империи выползли, как тут же австрияки на лакомый кусок сразу же позарились и посчитали, что Босния и Герцоговина их территория, – за просто так решили, никого не спрашивая...

Ну повезло один раз эрцгерцогу Францу Фердинанду, когда Неделько Чернобровиц гранату не в его машину бросил. Сама судьба просила – остановись! Так нет же, решил еще покататься по Сараево. Ну и прокатился, еще и жену свою, Софию, зачем-то прихватил. И день-то какой выбрал – Видов день! Святой день для всех сербов – битвы на Косовом поле!

Разве это не судьба, что Гаврило Принцип остановился около ларька и бутербродик решил купить, а эрцгерцога не по той дороге повезли? И все – тщедушный Гаврило револьвер выхватил и выстрелил, и надо же, как точно: все семь пуль попали в шею Фердинанду и в живот Софии. В Софию-то зачем? Она вообще не была женщиной императорского рода. Гаврило потом каялся на суде, что вроде и не хотел – не в нее целился, а в сидящего рядом своего, сербского генерала. И вот – война! Да еще какая – мировая!

А может, Гаврило и не виноват? Он вообще-то не сербом был, а австрияком. Чего к Сербии-то придрались? Повод был нужен для войны? Так эрцгерцог Фердинанд был императору Австро-Венгрии Францу-Иосифу всего лишь племянником. Нелюбимым. В императорском семействе все было что-нибудь да не так: брата императора – мексиканского императора Максимилиана расстреляли повстанцы; единственный сын Рудольф при загадочных обстоятельствах покончил жизнь самоубийством вместе со своей возлюбленной Марией Вечерой; жену Елизавету застрелили. Да и жена у эрцгерцога Фердинанда была простой чешкой Софией Гугенберг и их брак не признавался в европейских императорских домах, а дети не могли претендовать на трон. В простых граждан стрелял Принцип. Так что никакой он не идейный и не политический герой, он – уголовник!

А убитых Гаврилой Принципом эрцгерцога с женой похоронили тайно, ночью – гробы в яму кинули, и все: никаких

траурных речей и музыки, и это в музыкально просвещенной Вене. Как собак.

И при чем здесь Сербия? А Россия? У нее же с Германией был перед самой войной тайный договор заключен о ненападении. У России перед каждой мировой войной такой вот тайный «договор о ненападении» с немцами. Может быть, в этом и кроется причина обеих мировых войн – в таком вот «ненападении»?..

И ведь дожил Гаврило Принцип до конца войны, которую развязал. Аж в апреле 1918 года умер в тюрьме от своего туберкулеза. Видимо, в те времена хорошо лечили в императорских тюрьмах такую страшную болезнь: на свободе от туберкулеза умер бы намного раньше. А может, даже и на войну попал – к ее концу в Австро-Венгрии всех в солдаты забирали, не разбираясь...

В то время, когда Принцип стрелял в великих особ, генерал в отставке, шестидесятисемилетний пенсионер, потомок незаконной дочери Генриха IV и самого Мартина Лютера Пауль Людвиг Ганс Антон фон Бенекендорф унд фон Гинденбург проигрывал от нечего делать по вечерам на тактических картах войну с заклятым врагом Германии – Россией. И возможное наступление русских в Восточной Пруссии проигрывал: как, да что будет, если вот так?.. И не в шахматы играл – армии стрелками по картам водил.

Так бы и сидел перед камином будущий генерал-фельдмаршал и рейхспрезидент Германии, национальный герой,

награжденный за свои подвиги перед страной особой Звездой Большого Креста – «Звездой Гинденбурга», и продолжал бы есть любимое кабанье мясо, запивая тяжелым домашним немецким пивом, если бы Гаврило Принцип из своего револьвера не выстрелил... Судьба!..

II

Император российский, Николай II Романов войны не хотел – он ее боялся! Он помнил, чем закончилась война с Японией: не просто позором и потерей территорий и престижа страны, а революцией, которую подавить удалось только силой. Он помнил, как тогда отличился лейб-гвардии Семеновский полк, когда в период полного хаоса в Москве батальоны гвардейцев прибыли в первопрестольную на поезде и, не раздумывая, начали стрелять в толпу и разогнали восставших на Пресне. Император полк любил. Рабочие Москвы ненавидели! Почему он вспомнил сейчас семеновцев – так войны боялся и революции!

– Алиса, это война! – обратился император к жене Александре Федоровне и нервно пробежал по кабинету. – Посол Германии Пурталес два часа назад вручил моему министру иностранных дел Сазонову ноту об объявлении войны. И мы остались один на один против Германии и Австро-Венгрии.

– Как одни, Ники? – спросила спокойным голосом сидевшая в кресле Александра Федоровна. – А наш «Сердечный союз»?

– Вот-вот, «сердечный». Где она, сердечность? Молчат, суки.

– Не ругайся, Ники. Германия все-таки решилась воевать на два фронта?

– Где ты видишь второй фронт?

– Успокойся. Как говорят русские, утро вечера мудренее.

Увидишь, завтра Франция получит такую же ноту.

– А Англия?

– Все зависит от того, как пойдут немцы на Францию: если через Бельгию, то Англия вступит в войну.

– Но Бельгия нейтральная страна. И Германия будет драться с Францией в первую очередь за Эльзас и Лотарингию.

– Это, Ники, так считают французы и твои бездарные генералы в Генеральном штабе. А я знаю немцев лучше вас всех. Немцам наплевать на чей-то там нейтралитет, – для них Германия превыше всего!

– Что ты предлагаешь, Алиса? – Император с любовью называл свою жену, Александру Федоровну, этим уменьшительным ласковым именем, хотя она по рождению именовалась Викторией Алисой – в честь своей бабки королевы Великобритании Виктории. А она его с такой же любовью называла уменьшительным от Николая – Ники.

– Ничего не делать. Ты вчера назначил Верховным главнокомандующим своего дядю, Николая Николаевича, – вот пусть он и командует. Ники, прошу тебя, ни в коем случае не лезь в командующие, как бы и кто бы тебя ни уговаривал.

– И тогда все лавры от победы над Германией достанутся дяде!

– Победу еще надо завоевать! Это не Турция, это даже не

Япония с ее флотом, это Германия.

– Какая ты, Алиса все-таки умная.

– Я не умная, я разумная – а это две большие разницы. Кстати, из Зимнего нам надо переехать в Царское Село.

– Зачем?

– А в Зимнем развернем госпиталь для раненых; пусть твои верноподданные знают, что ты ради победы готов на все.

– Какие раненые, Алиса? Три-четыре месяца – и война закончится.

– Я не уверена, что так будет. Японцев мы тоже хотели шапками закидать. Всегда помни Цусиму, Николай.

– Ты, как всегда, права. Пойду поговорю с мамой.

– О чем, Ники, ты с ней хочешь говорить? О войне? Так ей-то какое дело? Покойный батюшка твой, Александр Александрович, ни одной войны не провел – все отдыхал в Финляндии на рыбалке.

– Как ты можешь так говорить, Алиса? Он был счастливый человек. А у меня уже вторая война. Я боюсь, я очень боюсь этой войны!

– Что ты все боишься? Бояться надо Бога, а более никого. Ты же царь!

– Знаешь, Алиса, после рождения Алексея я стал бояться. Не как государь, как отец. И откуда эта болезнь в нашем роду? Боткин говорит, что она передается по наследству по материнской линии и что это передалось от твоей бабки Вик-

тории.

– И ты в это веришь? Это все твоя мать так говорит, она со дня нашего знакомства против меня. Ты же знаешь: она, да и отец твой покойный были против нашей свадьбы. Они же хотели тебя женить на этой лягушатнице, дочке графа Парижского. Сейчас ты был бы зятем Луи-Филиппа. Может, жалешь?

– Прекрати, Алиса. Ты же знаешь: для меня нет ничего дороже тебя и наших детей. Я готов отказаться от престола ради вас.

– Знаю-знаю, Ники. Я тебя тоже люблю. Но врагов у нашей любви всегда предостаточно... И меня очень беспокоит Алексей. Ему все хуже и хуже. Я дни и ночи обращаюсь к помощи Всевышнего, но все тщетно. Надо вернуть в столицу старца Григория.

– Ни в коем случае! Этот мужик погубит нас. Против меня восстанет Государственный совет.

– Наплевать на твой совет. Тебе что, не дорога жизнь твоего сына, наследника престола?

– Ах, прости, Алиса, прости; я с этой войной совсем потерялся и забыл о тебе и семье. Как Алексей?

– Очень плохо: упал и опять опухли ноги. Врачи бессильны. Надо звать старца Григория.

– Хорошо, Алиса, зови. Я пойду, у мне встреча с Верховным главнокомандующим.

– Иди, Николай, царствуй. И все должны знать, что ты

царь!

Когда император вышел, Александра Федоровна заплакала. Это на людях, при дворе она казалась властной, строгой, надменной, и все ее таковой и считали. Но болезнь сына, не просто сына – наследника, привела к нервному срыву, и государыня все больше и больше замыкалась в себе, все меньше верила врачам, а больше в Бога и в людей, обладающих, как ей казалось, сверхъестественными возможностями. К таковым она относила и «старца Григория» – Григория Распутина. Не было бы Распутина, появился бы другой «старец» – она была готова на все ради больного сына. И в начавшейся войне, в которой еще не был убит ни один русский солдат, она, немка по происхождению, но русская царица по призванию, приняла странное для государыни решение: стать санитаркой в военном госпитале. Что делать – с головой у нее точно было не все в порядке. Ни одна княжна и графиня в России не последовала за своей государыней. Только их высочества, дочери императора, последовали за матерью.

Александра Федоровна перекрестилась на множественные иконы различных святых, покрывающие все стены ее кабинета. «Ах, Вильгельм, Вильгельм, не сдержал слово. А ведь и года не прошло, как здесь, в России, клялся в вечной дружбе. Одно слово – немец! – подумала государыня и вдруг как-то ударило в сердце: – А Ники-то опять выпил! Боже, неужели в своего отца-алкоголика? Тому сорок девять было, когда умер. Это все Минни виновата: надо было мужа

в ежовых рукавицах держать, а тот ее на руки, а у самого бутылка в кармане – захочешь, да не увидишь, при его-то росте почти в два метра... Просится же Минни в Крым, ну и пусть едет. Датчанка! И Ники ко мне больше не притрагивается. Может, разлюбил или нашел какую-нибудь фаворитку? Я бы знала. Нет, он меня любит. Это все переживания... и водка. Надо с ним серьезно поговорить. Ему же всего сорок шесть. А мне? Сколько же мне?.. Сорок два». Государыня встала и пошла в детскую, к цесаревичу Алексею. У дверей на стуле дремал матрос – дядька наследника. Увидев Александру Федоровну, он вскочил.

– Ваше величество... – зашептал.

– Как Алексей? – тоже шепотом спросила императрица.

– Спит, ваше величество. Компрессы доктор на колени положил, и успокоился, уснул бедный, – тихо ответил матрос.

– Ну и слава Богу! – обрадовалась Александра Федоровна и перекрестилась. – А ты иди, поспи.

– Да нам, ваше величество, здесь-то привычнее.

– Скажи: его величество приходил?

– Приходил, тоже спросил и ушел... туда, – махнул рукой в сторону покоев вдовствующей императрицы-матери Марии Федоровны Романовой.

– Хорошо, отдыхай, – Александра Федоровна тихо пошла обратно в свой кабинет. Шла и думала: «Все-таки пошел к Минни. Зачем разрывать мое сердце... Ах, Алеша, Алеша,

сынок... Надо звать старца Григория. Не будет наследника – не будет и нас... – и как-то не к месту еще подумалось: – Вернуть бы все назад. Куда “назад”? В Дармштадт, в детство? Избави боже! Эта нищая Германия! Это вечное: “Этого нельзя, того нельзя!” Фике чуть не голой приехала в Россию и всего добилась. Вот же дворец – ею построен! Надо держаться и Николая держать, – слабый он. Любящий и слабый».

III

Глеб Смирнитский, выпускник по первому разряду одного из лучших военных училищ России – Павловского, что на Большой Спасской улице столицы империи – Петербурга, в звании подпоручика ехал на войну – Вторую отечественную. И домой ехал, в Польшу, точнее, в ту часть разодранной между Россией, Германией и Австрией в результате Венского конгресса Польши, что принадлежала России на праве унии и называлась Царством Польским. Он не был дома все четыре года учебы в военном училище, и на душе у молодого человека было радостно и грустно одновременно: из-за желания побыстрее увидеть и обнять любимых и родных ему людей и от наступающей неизвестности, связанной с объявленной войной. Еще никогда он не видел столько людей, охваченных патриотизмом, больше похожим на умопомешательство, заполонивших весь Невский проспект столицы империи, которую зачем-то наскоро переименовали в Петроград (чем старое название помешало?), и в этом «урапатриотизме» под визг и обморочные падения дам орущей толпы, несущей на руках людей в офицерской форме, было что-то неестественное, не радостное, а страшное и дикое – азиатское. А что камни в витрины немецких магазинов летели, то и это считалось проявлением русского патриотизма.

На вокзале усыпанный цветами и поцелуями восторжен-

ных столичных курсисток молодой человек с трудом пробился к своему вагону. Провожаящая военных толпа выла и редела от счастья.

Глеб Смирнитский был поляком наполовину – по отцу. Мать, Татьяна, была русской, дворянкой, дочерью полковника Глеба Александровича Переверзева, геройски погибшего на русско-японской в Порт-Артуре. В честь деда и был назван молодой человек. Мать Глеба молоденькой девушкой влюбилась в приехавшего на несколько дней в Москву журналиста одной из варшавских газет Станислава Смирнитского и, тайком обвенчавшись, уехала с ним в Польшу. В семье Переверзевых разразился страшный скандал: к неравному браку (Переверзевы были дворянами со времен Петра I), да еще с католиком, отнеслись с нескрываемым раздражением, дочку не понимали и проклинали: как могла она выйти замуж без согласия родителей, за какого-то полячишку, да еще и за писаку-журналиста? Такое в их православной семье простить было нельзя! И даже рождение внука Глеба не смогло повлиять на отношения между семьями. Правда, полковник Переверзев дочку по-своему любил, довольно быстро неудовольствие его прошло, и он тайком писал дочери редкие, но добрые письма. Татьяна была ребенком от первого брака – ее мать умерла от чахотки, когда девочке было всего десять лет, а Глеб Александрович был не просто человеком военным, но любил повоевать; он быстро женился, больше не по любви, а по необходимости, на молодой вдове своего военного това-

рища, взяв новую жену с ребенком-девочкой, и дал им свою фамилию, а вскоре родился еще и совместный сын Александр. Мачеха Таню не любила и хоть скрывала, но обрадовалась, когда та убежала из дома. Может быть, этот побег молодой девушки был бегством из ставшего неродным для нее дома? Жестом отчаяния? Но, к сожалению, Глеб Александрович воспринял женитьбу дочери так, как ему описала события жена, и на дочь махнул рукой – взрослая, чего там... Тем более подрастал сын Александр, как казалось, надежда и опора отца и семьи. Когда полковник Переверзев погиб, Татьяне Смирнитской даже не сообщили о его смерти; она узнала о его гибели из русских газет, которые приносил муж и в которых печатались списки награжденных и погибших в русско-японской войне. От отца остались только несколько писем и фотография, на которой был изображен полковник с лихо закрученными усами и Георгиевским крестом на груди. А когда в 1907 году в страшной катастрофе поезда под Лодзью погибли родители маленького Глеба, московские родственники отказались приехать на похороны, и отношения между семьями полностью прекратились. В семье дяди Владислава Смирнитского, где после гибели родителей воспитывался Глеб, чтобы не травмировать сироту, старались не вспоминать далекую московскую родню. Глеб же, учась в Петербурге, знал, что в Москве у него есть родственники, но он был гордый юноша и поэтому ни разу за все годы учебы не постарался их найти или хотя бы напомнить о себе ка-

ким-нибудь известием. Он слишком любил свою мать, чтобы изменить ее памяти. Настоящими родителями он считал семью своего дяди, которая его любила, как родного сына, и старался отвечать им такой же любовью.

Поезд двигался по российским просторам не спеша: пыхтел черным дымом, посвистывал паром, стучал колесами: тук-тук, тук-тук. От Петрограда до Москвы все леса, луга да речки – грибы бы с ягодами собирать, а тут война! Мобилизация! Пьяный поезд. В воздухе больших и малых городов, промокших деревень с покосившимися хатами витало: сейчас немцам дадим по зубам, защитим русский православный крест и обратно, домой, с медалями на груди и деньгами в кармане. Вот тогда-то уж точно погуляем! И, говорят, повеет только тем, кто первый. Сказывают: война-то месяца два будет длиться, ну три, не больше. Вперед! Ура!

На каждой станции останавливается поезд, забирая в свое нутро пьяных мужиков с котомками за плечами, оставляя на деревянных перронах, а где и на земле ревущих в голос русских баб. А мужики выпивали свой стакан самогона и кричали:

– Ты чего, Матрена, реवेशь? Вернусь – лошадь, корову купим, дом выправим и заживем! Эй, Рассея – раздвинься, новгородские идут!

– Куда прешь? Знай наших! Мы, тверские, завсегда готовы за царя-батюшку...

А за тверскими кричали московские, рязанские, смоленские, владимирские – весь *рассейский* народ в едином порыве кричал: «Бей немцев!.. Боже, благослови царя на священную войну!..»

Пляшет Россия перед смертью! У русских всегда безумная, пьяная радость перед войной. И в этом пьяном угаре у всех на уме одно: быстрая победа и на чужой территории! А уж с вечным врагом – немцем от души посчитаемся. Эта ненависть к немцам у русских в крови! Столетняя!..

Все сразу забылось: что вот так же десять лет назад япошек «закидали шапками» – да с таким позором, с реками крови сотен тысяч убитых русских солдат, с потопленным флотом, с отдачей русских земель выходили, выползали из той войны.

Смотришь на историю России и начинаешь понимать, что толком-то ни одной войны путем искусства военного, сбережения своего народа и солдата не выиграли. Ни одной! Ну если только Суворов. И то... Откуда это в нас, в русских? Уж как бы должны быть осторожны, уж как бы должны быть недоверчивы, вся история государства российского этому учит – с татаро-монгольского нашествия учит. А может, это нашествие и выбило из русского народа тот стержень самосохранения, уважения к себе, к своим соплеменникам? Трехсотлетнее поклонение азиатской силе уничтожило русских, создало новую форму народа: смешение с азиатами и безразличие к гибели своих сородичей. Почему же Русь-то

сохранилась? А на насилии над народом и сохранилась. Государство московское, а потом и российское построили на крови, жестокости, убийствах, и к кому – к своему, русскому человеку! А бунты, а революции... У-у-у!

И сейчас, в этот последний месяц лета четырнадцатого года, верилось, что многомиллионная армия – с мобилизацией, с радостью студентов от зачисления в добровольцы, с погромами немецких магазинов, с переименованием столицы – в едином порыве с друзьями по военному «Сердечному союзу – Антанте» возьмет и раздавит эту ненавистную, Бисмарком созданную молодую германскую империю. Только жиж пивная да сосисочная останется!

Вот на эту войну 3 августа 1914 года подпоручик Глеб Смирнитский и ехал воевать. Он, потомок знаменитого, но забытого временем и судьбой старинного рода, ведущего свой счет еще с польских рыцарей, храбро сражавшихся и умиравших в великой Грюнвальдской битве, шляхтичей, имевших когда-то свой герб и проливавших кровь за свободу и независимость Польши в сражениях и с немцами, и с литовцами, и с русскими, воевавших на стороне Наполеона против России, участвовавших в восстании под руководством Костюшко, он – сирота, воспитанный в семье дяди, получивший за отличие в учебе при выпуске из училища чин не прапорщика, а подпоручика и право выбора места несения службы, избрал не блистательный Петербург и карьеру

штабного офицера, а службу в самом знаменитом, самом известном, самым Петром Алексеевичем созданном лейб-гвардии Семеновском полку, который был приписан на случай войны к спешно разворачивающейся в Польше 2-й армии под командованием генерала от кавалерии Александра Васильевича Самсонова. И от роду Глебу Смирнитскому было двадцать лет. Был он высок, строен, серо-голубые глаза обрамлены темными ресницами, как все военные, пострижен был коротко, но с аккуратным боковым пробором, разделяющим чуть волнистые волосы; ему бы очки – и вылитый молодой адъютант университета.

Грустно было ехать одному: уж к Москве подъезжали, а никто в купе не поселился, да и в соседних было тихо.

В Москве, с такого же шумного, кричащего тысячами голосов вокзала в соседнее купе вошли двое офицеров – Глеб видел их в приоткрытую дверь, и когда уже поезд тронулся, дверь его купе отворилась и вошел молодой подпоручик со значком выпускника московского Александровского военного училища. Сразу бросилась в глаза необычная красота офицера: большие, навывкате голубые глаза, черные брови, ровно изогнутый «римский» нос, прямое лицо; юноша был высок, под стать Глебу, но шире в плечах и груди. В лице его, в глазах было что-то холодное и страстное одновременно.

– Давайте знакомиться. Подпоручик Михаил Тухачевский, – сказал вошедший.

– Подпоручик Глеб Смирнитский.

Так иногда бывает между мужчинами: встретились в первый раз, протянули руки для рукопожатия – и необъяснимо, сразу возникло чувство дружбы и доверия. И здесь оно возникло: как молния, между ними промелькнула с крепким пожатием юношеских рук.

– На войну? В какую армию? – спросил Тухачевский. – Я во 2-ю, к генералу Самсонову.

– Туда же, к Александру Васильевичу.

– Отлично. Дадим прикурить немцам.

– Давно пора!

– По значку – вы окончили Павловское училище?

– Так точно, а вы – Александровское?

– Да.

– Вы поляк?

– Если не против, давай на ты. Я из смоленских Тухачевских. Ну а где смоленские, там и польская кровь имеется. Ну вы-то точно поляк?

– Да, по отцу. Мать русская.

– Родители где, в Польше?

– Я сирота.

– Глеб, прости меня, ради бога. А что до Павловского окончил? Не со школьной же скамьи?

– Нет, Варшавский кадетский корпус.

– А я Московский кадетский корпус.

– Судя по званию подпоручика – отличник.

– Да, но и ты тоже. Сам выбирал полк?

– Да. Только сейчас не до выбора – война.

– И в какой полк?

– В лейб-гвардии Семеновский.

– Вот здорово! И я в Семеновский!

Молодые люди прониклись еще большим уважением друг к другу, узнав, что едут служить в один, самый знаменитый полк; болтали, выходили из вагона на станциях, покупали вареную картошку, молоко, огурцы и ржаной хлеб. А на платформах плясала, выла, пела Россия, провожая мужиков на войну.

– Как всегда – с пляской на смерть, – сказал Михаил.

– Этого у русских не отнять, – поддержал Глеб.

– А у поляков по-другому?

– Да нет, еще большее бахвальство.

– А жаль. Ничему не научились с японской.

– Не скажи – армия другая, вооружение другое. Посмотри, какой народный порыв. И название у войны какое правильное: «Вторая отечественная».

– Лишь бы не было, как в первую – за Москву убежали.

– В первую мои предки с войсками Наполеона до Москвы дошли, да и в шестьсот двенадцатом тоже в Москве были. Михаил, ну зачем такой пессимизм?

– Не нравится мне это дикое веселье.

– Так не свадьба – на смерть люди идут.

– Возможно, я не прав, Глеб... извини. Кстати, у тебя что из оружия: тот, что выдали по окончании училища – револь-

вер Нагана? Он в атаке неудобен. Согласен?

– Ты прав: семь пуль выпустил и можешь выкидывать. В бою не перезарядить.

– А я вот кое-что тебе покажу, – Тухачевский открыл свой офицерский баул, порывшись, достал отливающий темным металлом пистолет и с любовью человека, обожающего оружие, произнес: – Пистолет Браунинга!

– Я знаю. Удобен. Особенно заряжать легко – обойма, – восхищенно сказал Глеб. – Но дорого. Мне не по карману.

– Мне отец с дядьками подарили к окончанию училища.

И оба с удовольствием стали разбирать пистолет, обсуждая его достоинства и недостатки. Пришли к выводу, что и револьвер Нагана и пистолет Браунинга оба хороши, но пистолет лучше.

– У браунинга есть недостаток – патрон девять миллиметров. Попробуй найди, – сказал Глеб.

– Да, согласен. Кстати, сейчас Маузер собирается выпустить свой новый пистолет под девятимиллиметровый патрон.

– А ты знаешь, что Маузер выпускает пистолет на двадцать патронов? Вот это оружие! И патрон – 7,63 миллиметра.

– Как у нагана?

– Да.

Возбужденно говорили, как люди восхищенные и любящие оружие. С пистолетов перешли и стали хвалить винтов-

ку Мосина, сменившую в русской армии винтовку Бердана, потом дошли до пулемета Максима...

– Вот страшное оружие! – сказал Глеб. – Когда появилось многозарядное оружие, сабли канули в Лету, а этот пулемет заставит шашки выкинуть. Ненужной красивой безделицей на боку болтаться будут.

– До этого еще далеко. Куда конница денется? А у этого пулемета надо для начала выкинуть станину, эти семьдесят килограммов, тогда его хоть можно носить. Я читал, что немцы разрабатывают какой-то легкий пулемет. И это уже оружие этой войны. Правда, пулеметы Максима устанавливают на броневедомоциклах, которые у вас в Петербурге делают, на «Путиловце».

– Знаю, нам показывали – хорошая машина. Но все зависит от поставок из Англии автомобилей Остина. А те, сам знаешь, только говорить умеют. Но что интересно: броневедомоцикл – чисто наше, российское изобретение.

– Ты имеешь в виду броневедомоцикл Накашидзе?

– Да.

– А ты знаешь, что когда их сделали во Франции и переогнали в Россию, то немцы два броневедомоцикла реквизировали для изучения и наше военное министерство даже ноту не послало?

– Как бы нам не встретить в бою свои же броневедомоциклы.

– Во-во, и я к тому же. Но это еще что! Вам рассказывали

о совсем новой технике – танках?

– Так, вскользь. Я так и не понял, как эта тяжелая, громадная уродина на гусеницах может передвигаться? Это далекое-далекое будущее. И то вряд ли.

– Нет, Глеб, это уже реальность нашего времени. Вот увидишь, они появятся уже на этой войне! И это будет последняя война людей против людей, в будущем наступит война моторов. Вот тогда точно шашки и сабли повесят на стены для красоты.

– Ты, Михаил, фантазер: какие танки, если пулеметы предлагается запретить как негуманное оружие?

– Всякие запреты только подстегнут разработку новых видов вооружения. И пример – гранаты. Вам показывали?

– Даже заставляли бросать эти банки с ручками. Тяжелые и неудобные. И уж не офицерское это оружие точно.

– Согласен – уродина. Правда, у немцев удобнее... И почему у них все оружие какое-то ладное: берешь, а оно с рукой сливается? Что пистолеты, что пулеметы, а гранаты – мы на десять метров в лучшем случае свою «банку» можем бросить, а они со своей длинной ручкой – на тридцать-сорок, вот и подойди к ним на штыковую атаку, – и вдруг Тухачевский сразу как-то в разговоре переключился: – Ты, Глеб, в Москве бывал?

– К сожалению, нет. Говорят, что это самый красивый русский город. У меня там есть родственники по матери.

– И что, ни разу не был?

– Не приглашали, – грустно ответил Глеб.

– Будешь, – серьезно заметил Михаил. – Это я тебе обещаю. Глеб, какая она, Москва, красивая. И летом, и зимой. Я в Петербурге был: он строгий, чопорный, в нем все время хочется живот подтянуть. И девушки другие – прямые какие-то.

– А москвички?

– Будет первый отпуск, и поедем обязательно в Москву. Москвички – они очень красивые, хохотушки и все чуть-чуть курносые, – Тухачевский засмеялся, потом достал из нагрудного кармана небольшую фотографию, где, немного вполоборота, сидела за столиком с цветами красивая молоденькая девушка с толстой косой, перекинутой на грудь. – Это моя невеста, Нина, ей семнадцать лет; она только что после гимназии поступила в университет, а в апреле пятнадцатого ей исполнится восемнадцать, и мы поженимся. Так решили наши родители, – с теплотой в голосе сказал Михаил и, погладив фотографию тонкими пальцами, спрятал обратно в нагрудный карман и спросил: – А у тебя, Глеб, невеста есть?

– Нет, не встретил. И когда это произойдет, я не знаю: может быть, через день, хотя вряд ли – война, может через год, а может, через двадцать лет... Я хочу так, как и должно быть: как молния в сердце, и ты вдруг понимаешь, что это и есть любовь. Но когда-нибудь это обязательно произойдет, и, наверное, лучше, если после войны.

– Решено – в отпуск вдвоем в Москву, будем искать тебе невесту.

– Смешной ты, Михаил, – мы же едем на войну.

– И что? Мы с тобой, Глеб, едем побеждать, получать награды и звания. Мы еще генералами будем. Вот увидишь!

– Хорошо бы и живыми, и генералами, – засмеялся в ответ Смирнитский...

Ах, молодость, как ты хороша!

IV

В дверь постучали, и в купе заглянул офицер с погонами штабс-капитана.

– Господа офицеры, прошу к нашему столу, в соседнее купе.

Отказывать офицеру выше званием в армии не принято. Глеб и Михаил поднялись и пошли в соседнее купе.

– Прошу, господа подпоручики, – пригласивший штабс-капитан широко открыл дверь. В купе находился еще один офицер, тоже штабс-капитан. Только сейчас, вблизи, Михаил и Глеб увидели, что у офицеров на мундирах отличительные нагрудные знаки – белые разлапистые эмалевые кресты лейб-гвардии Семеновского полка. Стало как-то страшно неловко.

– Проходите, присаживайтесь, господа офицеры. Давайте знакомиться: лейб-гвардии Семеновского полка штабс-капитан Алексей Петрович Хлопов, – пригласивший подпоручиков офицер протянул руку для рукопожатия. Хлопову было лет тридцать. Высокий, широкий в плечах, темноволосый, с живыми карими глазами, в которых плескалась искорка смеха. Его попутчик был уже немного пьян. Ему было далеко за тридцать, ближе к сорока – тот возраст, когда погоны подполковника давно должны бы были украшать его мундир. Штабс-капитан выглядел даже старше – седина сильно

побила его короткую прическу. На левой стороне мундира висел Георгиевский крест. Офицер встал и, пожимая руки Михаилу с Глебом, поздоровался:

– Веселаго Семен Иванович, лейб-гвардии Семеновского полка штабс-капитан.

Молодые люди вытянулись и громко и уважительно сообщили свои фамилии и звания. Все сели на диваны, но разговор явно не клеился: чувствовалась стеснительность молодых офицеров. На столе в блюде лежал нарезанный лимон, яблоки, лежала фляжка и стояли два стакана.

– Французский, – сказал, постучав по фляжке, штабс-капитан Хлопов. – Думаю, вам известно, что офицерам гвардии не положено сидеть в обычных ресторанах, посему я вас покину на десять минут, а вы пока поговорите. – И Хлопов вышел из купе.

– На войну, господа офицеры? – спросил не улыбочивый Веселаго.

– Так точно, господин штабс-капитан, – бойко, хором ответили молодые офицеры и встали.

– Бросьте вытягиваться, господа подпоручики, на войну едем, не до чинопоклонства будет. Давайте по-простому: либо по имени-отчеству, либо «господин штабс-капитан». Я ведь до штабс-капитана из добровольцев дослужился. Так что не удивляйтесь, что староват для такого звания. Хотя – гвардия... Ох, и тяжкая нам война предстоит. Похуже японской.

– Почему, господин штабс-капитан?

– А немец – не японец! Те были жестокие, а эти и жестокие, и умные! А мы с нашим «Ура!» как побегим вперед, не оглядываясь ни назад, ни в стороны, вот он нам и даст. Да еще с нашим пронемецким генералитетом, ну и еще кое с кем...

Молодые офицеры сообразили, о чем говорит пьяненький штабс-капитан, но сделали вид, что не поняли. Разговор о немецкой линии в императорской семье свободно гулял и в армии, и в военных училищах.

– Как-то вы, Семен Иванович, уж очень жестко, – сказал Михаил Тухачевский.

– А я, господин подпоручик, на собственной шкуре испытал предательство в армии. На японской. Вот оно – предательство! – Веселаго показал на Георгиевский крест. – Хорошо, что не деревянный!

Разговора не получалось. Молодые люди замолчали. Так бы и сидели молча, но, слава богу, в купе вернулся штабс-капитан Хлопов, за ним шел официант из вагона-ресторана с корзинкой; в корзинке были бутылки коньяка и шампанского, закуски, хлеб, тонкие стаканы, рюмки, скатерть, салфетки, ножи, вилки, ложки и блюда. Официант, прежде чем расставить посуду и приборы на столе, старательно протер все тонкой чистой салфеткой.

– Пожалуйста, господа офицеры, – расставив все принесенное на столике, сказал официант и, выходя из купе, доба-

вил: – Если что понадобится, скажите проводнику, а он мне. Всего хорошего.

– Что, господа, пока я отсутствовал, Семен Иванович вас пугал? Пугал, пугал – вижу. Он у нас человек прямой, если скажет, то не в бровь – в глаз. Давайте-ка лучше выпьем. В какой полк едете, господа офицеры?

– В ваш, господин штабс-капитан, в лейб-гвардии Семеновский, – ответил за обоих молодых людей Тухачевский.

– Ба, так, значит, к нам? Оба?! Вот с какими орлами в бой пойдём, Семен Иванович. Его благородие штабс-капитан – командир седьмой роты, а я – восьмой... Кто что будет: коньяк, шампанское?

Молодые люди выбрали шампанское. Веселаго и Хлопов коньяк.

– Ну, давайте выпьем за победу и чтобы через полгодика мы с вами и все эти мужики, – Хлопов показал в пробегающие за окном вечерние сумерки, – вернулись домой живыми.

– Твои слова, Алексей Петрович, да Богу бы в уши. Только, думаю, далеко не все вернутся и не через полгода, но выпить надо, и прежде всего за этих самых мужичков, которых мы завтра на смерть поведем.

– Ну что вы, Семен Иванович, все как-то грустно? Мы с вами люди войны. За победу, господа офицеры!

Все встали и выпили.

– Вот, господа офицеры, у нас спор с Семеном Ивановичем: он считает, что никто не готов к этой войне и Россия не

готова больше всех. А вы что думаете?

– Лично я, господин штабс-капитан, готов к войне! – ответил Тухачевский.

– Вот! Вот он, правильный и правдивый ответ на все ваши слова о неготовности России к войне, – смеясь, повернулся к Веселаго Хлопов. – Как вам?

– Эта война – не случайность, – спокойным голосом заговорил Веселаго, глядя на стакан с коньяком в своей руке. – И, поверьте, быстро она не закончится; перейдет в окопную войну, а окопы, как всем известно, рыть-то никто не умеет и не хочет, да и рыть нечем – даже лопат нет, и затягивание войны приведет к голоду в городах и обнищанию деревни: солдат-то, он кто – крестьянин. И это приведет к социальному взрыву, революции в России и гибели монархии.

– А почему именно в России, Семен Иванович? В Германии и Австрии что – лучше? – спросил Хлопов. – И как это вы представляете Россию без царя?

– Почему именно в России? Друг мой, вы забыли девятьсот пятый год, а я тогда вот таким же подпоручиком приказывал семеновцам стрелять в толпу рабочих на Пресне в Москве. И если бы мы тогда не стреляли, неизвестно, была бы сейчас монархия или нет. Самое страшное в этой войне – проиграть ее, даже не всю, а начало, и тогда этот весь восторг и визг, все эти бравурные речи и марши превратятся в злобный вой разъяренной толпы, и не только рабочих и крестьян, но и солдат. В кого тогда прикажете стрелять?

Вот что страшно! Нельзя проиграть войну, к которой наше с вами отечество не готово. Это же не балканская война, когда мы освобождали наших, поработанных турками «братушек-славян», здесь-то мы какие цели хотим достигнуть – Германию разбить? И что, если разобьем? Что – не будет Германии? Будет. А может, эта война нужна полякам? Кстати, вы, господа подпоручики, оба поляки?

– Только я, – сказал Глеб Смирнитский.

– Вот вы, господин подпоручик, поляк, при этом русский офицер и будете драться с немцами за Россию. А сами поляки будут драться?

– Наверное... не знаю.

– Вот именно – «не знаю»; если и будут, то каждый за свою Польшу: кто-то, как вы, за Россию, кто-то за австрияков, меньшинство за немцев, но они все бы объединились и стали бы драться против всех за свободу своего отечества. Кстати, а вы знаете, что поляки должны ненавидеть семеновцев? Это ведь семеновцы под началом Александра Васильевича Суворова разбили войска Костюшко. А Костюшко для поляков символ борьбы за независимость. Так что вся эта война будет на территории многострадальной Польши: кто у кого отберет ее кусок, который раньше друг дружке подарили. На большее сил ни у кого не хватит! Никаких Берлинов и Петербургов.

– А Франция?

– А я о Франции не говорю. Мне, если честно, на нее на-

плевать. Запомните: они нас выручать в этой войне не будут, а мы их будем! Как только германец их прижмет, так мы наших мужичков в шинелях под орудийный, а теперь и пулеметный огонь и бросим! – Веселаго залпом выпил коньяк. – А они – нет! Они знают, что без России их германец за несколько недель разобьет!

– Ну как можно, Семен Иванович, с таким желанием идти на войну? – спросил Хлопов, стараясь долить в стакан Веселаго коньяка.

– Не старайтесь, Алексей Петрович, вы что, хотите меня напоить? Что молодые офицеры обо мне подумают? Не надо, прошу вас... А на ваш вопрос скажу: война – это ремесло, это опыт и это желание победить. Слабость нашей армии не в нас, строевых офицерах, она в штабах, в генералитете и еще кое-где.

– Прекратите, Семен Иванович. Вы выражаетесь как социалист. Что подумают о нас господа подпоручики?

– А правда, что вы думаете? – спросил, вдруг засмеявшись, Веселаго у Смирнитского.

– Мои предки все воевали: и с рыцарями, и с немцами, и с литовцами, и с русскими. Я военный, и моя роль в этой жизни – защищать отечество. Я присягу русскому государю дал, – ответил Глеб. – А что там будет – не мое дело. Мой дед был полковником русской армии. Погиб на японской. Как поляк я не люблю великого для всех русских Александра Суворова, а как русский офицер преклоняюсь перед его гени-

ем полководца, и как человек, давший клятву служить России и ее императору, я готов умереть за Россию. И для меня немец – враг! Я знаю, что пообещал император Николай Александрович полякам: отобрать у австрияков и немцев Галицию и Великое княжество Познаньское и восстановить Польшу в ее прежних границах. Почему же я не должен воевать за такого царя? Почему поляки не должны воевать за такого русского царя? Вот вы говорите, что произойдет какая-то революция и монархии не будет. Но тогда я буду воевать за свободу Польши. Я же дал присягу нашему общему с вами императору, и, значит, если монархии не будет, я буду свободен от присяги. А присяга у офицера бывает одна! Так?

– Хорошо сказано! А я как-то и не подумал... Считаю, что в этом случае вы, подпоручик, будете правы, – ответил Веселаго. – Офицеры клятву два раза не дают. А вы, Михаил, что думаете?

– Я согласен с Глебом: политика не наше дело. Дед мой был генералом. Отец военным. К сожалению, из-за болезни в отставке. Почти все родственники военные. Мое дело – война! А России без царя быть не может! На то мы и даем клятву государю, чтобы император в нашем отечестве был всегда, и те, кто хочет это разрушить, являются нашими врагами.

– Слышите, господин штабс-капитан? Они люди военные и давали присягу. И этим все сказано. Давайте, господа, выпьем за армию и ее основу – офицерский корпус! И сегодня наша главная задача – разбить немцев, – громко предложил

Хлопов.

Все выпили, и Веселаго трезвым голосом произнес:

– Уважаемые, господа офицеры, прошу меня извинить, за произнесенные слова. Русскому офицеру так говорить непристойно. Если позволите, давайте спьем все на коньяк. Не возражаете? Особо я хочу извиниться перед вами, подпоручик Смирнитский. Я на той войне, где сражался ваш дед, Георгиевский крест заработал и всегда считал и считаю, что там было много более достойных людей, чем я, чтобы получить эту награду, а уж чтобы остаться живыми... Вы правы: мы – офицеры, давшие присягу... И приятно, что об этом сказали вы, молодые офицеры, идущие на войну. Алексей Петрович, а не кажется ли вам, что подпоручики – как раз те, кого мы с вами ищем? Господа, нам с Алексеем Петровичем нужны заместители на должностях младших офицеров. Я, если не возражаете, хотел бы пригласить вас, Михаил Николаевич, к себе в роту.

– А я с удовольствием – вас, Глеб... как вас по батюшке? – спросил Хлопов.

– Я поляк, а у поляков нет отчества, у них, как у всех католиков, двойное имя. Но у меня русское имя, и я православный. Моего отца звали Станислав.

– Ну, значит, вы – Глеб Станиславич, – без намека на иронию продолжил Хлопов. – Так будет ближе к польскому языку и из уважения к имени вашего родителя. По-русски я бы сказал «Станиславович». Мы с Семеном Ивановичем

по прибытии в армию свои рекомендации командиру полка, его превосходительству генерал-майору Ивану Севастьяновичу Эттеру сообщим. Можете сослаться на нас... Ну что, согласны?

– Почтем за честь! – ответили подпоручики.

Дальше разговор перешел на любимую тему русских офицеров: оружие и тактику боя.

– И все же, господа, я настаиваю, что с появлением в армии нового оружия – дальнобойных орудий, пулеметов, многозарядных винтовок – война не только не будет скоротечной, как многие считают, а, наоборот, превратится в позиционную войну. Любая неподготовленная атака приведет к ненужной гибели людей – их просто перестреляют. Погибших будет сотни тысяч, а может, и миллионы. Поэтому силы армий быстро иссякнут; оружие, снаряды и патроны производиться в необходимом количестве не будут, вот тогда все зароются в землю и будут постреливать друг в друга... Наступит нищета в городах и разруха в деревне и замкнется круг, – говорил с жаром Веселаго. – И такую войну будут ненавидеть все! И чем больше будет отдаляться от народа победа, тем больше будет ненавидеть эту войну народ. А дальше – взрыв, социальный взрыв. Вы, господа, вспомните, что произошло после поражения в русско-японскую – восстание рабочих! Но по сравнению с тем, что может произойти сейчас, это цветочки!

– Вы опять за свое, Семен Иванович. Ну договорились же.

Может, будет как во времена Екатерины Алексеевны: лето повоюем – и все на зимние квартиры, на печку до весны? – засмеялся Хлопов.

– В окопы мы точно залезем. Где это вы видели, чтобы миллионные армии по домам разошлись? Нет, те красивые войны наших предков закончились. Вы еще рыцарей вспомните, – не унимался Веселаго.

– Вас послушать, так вместо винтовок надо срочно начать выпускать лопаты?

– Надо, Алексей Петрович, иметь и то и другое.

– И все-таки давайте отойдем от лопат к подготовленности наших войск к наступательным действиям.

– Согласен, Алексей Петрович, давайте. Я знаю точно одно: гвардия к войне готова. Я имею в виду и вас, Михаил Николаевич, и вас, Глеб Станиславич.

– Спасибо за доверие, господин штабс-капитан.

– И главное – помнить: это не учения под Красным Селом или парад на Марсовом поле, это война, на которой убивают!

– Давайте выпьем за войну! – предложил Хлопов.

– Давайте! – согласились все радостно.

И если Веселаго и Хлопов позволяли себе пропустить еще по рюмке-другой, то подпоручики, и так не пьющие, слушали серьезно, понимая, что перед ними их будущие командиры, и уже их лица выражали нескрываемое желание быстрее покинуть купе. Когда они, получив разрешение, ушли, Хлопов спросил Веселаго:

– Зачем вы так, Семен Иванович? Они молоды, они многого не понимают и тем более не знают, что такое война.

– Согласен, я неправ. Извините меня, Алексей Петрович. Как-то все сложилось, вспомнилась та, позорная война, и прорвало... Извините...

– Про революцию совсем уж зря. Ладно. Вы, Семен Иванович, почему Тухачевского-то выбрали?

– Вы, знаете, Алексей Петрович, в этом молодом человеке чувствуется что-то необычное, внутренний стержень какой-то, желание быть первым. Я бы, конечно, взял Смирнитского, но побоялся это сделать: стал бы его опекать, охранять как внука погибшего на той бесславной войне русского офицера. А мы едем на войну, и это недопустимо.

– Намучаетесь вы с Тухачевским, Семен Иванович. С его желанием быть первым.

– А мне такой и нужен – чтобы честолюбивый был и в пекло лез. Меня-то вы знаете: я семь раз отмерю, а один раз отрежу.

– О, как вы все рассчитали! Хотите его первым в атаку отправить?

– Не я хочу – он сам хочет. Это у него внутри. Война всегда требует таких людей. Но это другая война; на ней будет трудно поднять людей в атаку, это не как раньше – саблями махать. А Тухачевский, мне так кажется, сам первый в атаку поднимется и людей поведет, и не просто поведет – заставит. Только почувствует любовь к войне, к бою, к власти над

людьми – и заставит. Нос у него гордый, как у Цезаря и Наполеона. И сколько он человеческих душ загубит, когда это чувство власти над людьми в нем проснется, я не знаю... Но будет – я в людях редко ошибаюсь – хороший будет офицер, поверьте мне. Ну а как вам наш поляк? Станиславич? Как вы умудрились правильно отчество-то произнести? Именно Станиславич. Я бы, наверное, не смог. Взяли его, потому что я первым взял Тухачевского?

– Ни в коем случае! Если вам нужен такой, как Тухачевский, этакий сорви-голова, то мне-то, при моем взрывном характере, как раз нужен такой, как Смирнитский. Он не медлительный, не сонный, он, мне кажется, умный, он рассудительный и голову вот так запросто ради славы или ордена подставлять не будет. Как он сказал о Польше! И как правильно провел жизненную грань – присяга офицера! Не любовь, не восхищение императором – присяга государю. И все! Коротко, умно необычайно. Из этого молодого человека вырастет отличный офицер, и не исполнитель, а, возможно, штабист, аналитик. Этот проявит себя на войне не меньше, чем Тухачевский, но, поверьте, с выдумкой, незаметно, но с огромной пользой для солдата... А вообще-то эти новые офицеры хороши. Думаю, успели их подготовить к войне.

– Вот в этом я с вами, Алексей Петрович, полностью согласен. Ну что, давайте ложиться спать – завтра Брест-Литовск, а там и Варшава.

– Да, наша молодость, когда можно было не спать неделями, к сожалению, прошла. Спокойной ночи, Семен Иванович.

– Какая такая «ваша молодость» прошла, Алексей Петрович? Всего-то за тридцать. Вам еще до генерала дослужиться надо.

– Спасибо, Семен Иванович. Хотелось бы генералом стать. Впрочем, чем черт не шутит...

– Одно жалко – нет в живых Льва Николаевича Толстого, кто же напишет правду об этой войне? – как-то грустно сказал Веселаго.

– Появится другой Толстой и напишет.

– Боюсь, не появится.

– Не пойму я сегодня вас, Семен Иванович, весь день какой-то пессимизм.

– Сам не знаю, что со мной. Напало что-то и не проходит. Предчувствие какое-то нехорошее гложет душу. Все время думаю о войне и что нашему отечеству предстоит.

– Давайте брать пример с наших молодых офицеров. А ведь они на нас смотрят: как мы себя поведем? Им-то пока все игра. Сами же мы такими были.

– Давайте спать.

А колеса стучали: тук-тук, тук-тук. На войну, на войну.

V

Не доезжая Бреста, в серости утра, на небольшом деревянном, сыром от росы настиле маленькой станции пела и плясала пьяная толпа. Больше всех веселился явно не строевой доброволец: одет был в гражданское, котомки не имел, орал матом, хлестал водку стаканами и все лез целоваться к провожавшим на войну своих мужей плачущим бабам, за что получил кулаком по пьяной роже; на удивление не обиделся и в драку не полез, а, размазав по лицу текущую из разбитого носа кровь, продолжил плясать, орать и петь похабные песни. Увидев двух офицеров, стоящих около вагона остановившегося на несколько минут поезда, подскочил, провел рукой по разбитым губам и, вытянувшись, весело обратился:

– Ваши благородия, добровольца вольнонаемного возьмите к себе в денщики? А то ведь без нас немца разобьют, не успеем повоевать.

– А почему бы тебе не взять винтовку – и в атаку? – спросил Тухачевский.

– Вот! – и мужик показал правую руку. На ладони не было мизинца и безымянного пальца. – Топором еще мальчишкой оттыпал.

– Ну и сидел бы дома с женой и детьми.

– Нетуть. Холостой я.

– А с самоваром-то управляться умеешь?

– Обижаете, ваше благородие. Не только самовар, но и приготовить, и помыть, и постирать – все могу!

– Как звать?

– Архип Ферапонтов, ваше благородие.

– Вот что, Архип, доедешь до Варшавы, иди в штаб лейб-гвардии Семеновского полка, скажешь – денщиком к подпоручику Михаилу Тухачевскому.

– Век не забуду вашей милости! Не подведу, ваше благородие! Если надо – за вас жизнь отдам!

– А вот это лишнее. Жизнь надо отдавать за государя императора и отечество. Только больше не пей.

Молодые офицеры ушли в свой вагон.

– Братцы! – побежал к провожающим, поскальзываясь на сырых досках, Ферапонтов. – Я с вами, я на фронт! Меня берут к себе господа офицеры! Богачом вернусь! Наливай! – И уже на правах отъезжающего стал целоваться; никто больше по лицу не бил – солдат!

Вагоны дернулись – лязгнуло железо, поезд свистнул и натужно потянулся вперед. Вновь укладываясь на диван спать, Глеб спросил Михаила:

– Зачем он тебе? Там найдем.

– Глеб, ты же знаешь, денщиками не могут быть строевые солдаты, только добровольцы. Где там время будет искать? Да и чем-то понравился мне этот Архип. Что-то в нем необычное: посмотри – его по пьяной морде бьют, а он смеется!

– А ты, Михаил, сможешь солдата по лицу ударить?

– Не знаю... Но если струсит, товарищей бросит, то, мне кажется, я смогу такого человека даже расстрелять. А так: одного пожалеешь, другого – это уже не армия... Не знаю... Глеб, скажи, если, конечно, можешь, давно ты сирота?

– Мои родители погибли в девятьсот седьмом под Лодзью, при крушении пассажирского поезда. Родственники по матери нас, еще когда дед был жив, не признавали, а уж после его гибели и подавно. Мама даже о гибели своего отца узнала из газет, – ей не сообщили. Дед был полковником. Имел «Георгия». У него после смерти первой жены была вторая семья. Так что я с тринадцати лет сирота, воспитывался в семье дяди, и, как сам понимаешь, лучшая карьера для таких, как я, – карьера военного. И я не жалею. Приедем в Варшаву и пойдем к моему дяде Владиславу. У него прекрасная семья – жена и две дочери: Златка и Ядвига – красавицы. Я их не видел четыре года. У дяди свой домик и небольшой сад. Там так тихо и необыкновенно хорошо. Увидишь, тебе понравится... Все. Давай спать.

– Давай. Извини, Глеб, что задал этот вопрос, только тебе и себе душу разбередил... Уснешь тут... – сказал Михаил Тухачевский и через минуту спал. А Глеб еще долго-долго лежал с открытыми глазами и вспоминал свою жизнь: мать и отца, дядю Владислава, его жену и дочерей; почему-то с презрением подумал о семье деда; потом одернул себя: «При чем здесь все? Сын-то деда, Александр, наверное, лет на де-

сять старше меня. Интересно, если офицер, как отец, то в каком звании? Капитан, наверное... Вряд ли больше – войны-то за последние годы не было. Да что я? Какое мне дело? Скорей бы в Варшаву! Как же я хочу всех увидеть...» И уже засыпал, как вдруг всплыло лицо Архипа Ферапонтова – тот показывал свою изуродованную руку и кричал: «Ваше благородие, все умею, все смогу... За вас жизнь отдам».

– Тьфу ты, покажется же такое! Как черт выплыл! – чертыхнулся тихо Глеб и провалился в сон, каким умеют спать только дети, юноши и молодые офицеры.

А колеса продолжали стучать: война, война...

VI

Варшава встретила летним теплом, невообразимой сутолокой на вокзале, куда выгружались регулярные войска и мобилизованные. Все пути были забиты эшелонами с людьми, лошадьми, пушками. И над всем этим стоял несмолкаемый, многотысячный гул военных команд, криков, топота солдатских ботинок, ржания лошадей, скрипа телег, урчания, пугающих простых солдат, диковинных автомобилей, свистков маневренных паровозов и криков бесстрашного, не боящегося никого воронья. Вот только их крика и их вида не хватало этим солдатам, идущим туда, на запад, к фронту. Ну что ты каркаешь? По кому из нас?..

Варшава – русский форпост перед грозной Германией!

И вся эта война начиналась на территории Польши. А как же иначе? И Царство Польское, и Галиция, и Великое княжество Познаньское – это же все земли Польши, с легкостью разделенной тогда, в 1815 году, между Россией, Австрией и Пруссией. Никто и не думал воевать на своей территории! Местом драки бывших союзников стало общее поле боя – Польша! И ни о какой мировой войне в тот момент и не помышляли. Россия хотела отобрать у бывших своих друзей польскую же территорию: у Австро-Венгрии – Галицию, у Германии – княжество Познаньское. Император Николай II даже пообещал полякам, что если те поддержат Россию в

этой войне, то, отобрав эти земли, он вновь объединит куски Польши в единое целое, правда, под своей унией. Австро-Венгрия пообещала сделать то же самое, а немцы ничего не обещали: они хотели все и себе! Поляки в начинающейся войне разделились на два фронта, и каждый считал, что только он прав. Русских не любили – помнили свои восстания и русские штыки и пушки! А немцев ненавидели все!

Штабс-капитаны Веселаго и Хлопов, узнав, что молодые люди хотят съездить к дяде Смирнитского, в суতোлке вокзала приветливо попрощались с молодыми офицерами, еще раз подтвердили свои предложения о должностях и, попросив сильно не задерживаться – война, уехали в полк. Смирнитский с Тухачевским, наняв пролетку, поехали в пригород Варшавы.

Дядя Глеба, Владислав Смирнитский, такой же высокий и подтянутый, с такими же серо-голубыми глазами и открытым приветливым лицом, расплакался, увидев на пороге своего небольшого загородного дома племянника, которого он не видел четыре года.

– Возмужал, вырос-то как, вырос. А на Станислава-то как стал похож... Мария, беги скорей, Глеб приехал, – кричал он на весь садовый участок.

В доме началась суматоха: Мария, жена Владислава Смирнитского, темноволосая, кареглазая, полноватая, невысокая женщина, увидев племянника, обняла, расцеловала, запла-

кала, потом побежала, радостно подвывая и поминая Матерь Божию, в гостиную накрывать стол. Прибежали две девушки лет пятнадцати-шестнадцати, дочери хозяев дома, Ядвига и Златка, и тоже стали обнимать и орошать слезами мундир Глеба.

– Прошу познакомиться, мой товарищ, подпоручик Михаил Тухачевский. Мы вместе едем служить в лейб-гвардии Семеновский полк.

– Очень приятно, очень приятно, молодой человек, – затряс руку Михаила пан Владислав и заинтересованно спросил: – Из каких Тухачевских будете? У нас раньше соседи были Тухачевские.

– Из смоленских.

– Тоже рядом! – радостно сказал Владислав Смирнитский и махнул куда-то рукой. – Смоленск-то – вот он, недалеко.

Все засмеялись.

Михаила смущали восхищенные взгляды двух очень похожих, очень симпатичных двоюродных сестер Глеба.

– Хватит, хватит, идите, помогите матери. А вас, молодые люди, я прошу помыться с дороги, и проходите на веранду. Я надеюсь, Глеб, и вы, Михаил, у нас побудете денька три?

– К сожалению, дядя, мы ненадолго, поздороваться – и нам нужно в полк.

– Мария, ты слышишь, они хотят уехать, – закричал куда-то в дом Владислав Смирнитский.

– Как? – прибежала и опять заплакала пани Мария. – По-

чему? Я так давно не видела Глеба. Он же мне сын!

– К сожалению, нам нужно в полк. Михаил, подтверди, – сказал Глеб.

– Да, пани Мария и пан Владислав, нас ждут в полку.

– Ну хотя бы пообедайте, – жалобно попросил пан Смирнитский.

– От обеда отказываться не будем, – сказал Глеб.

– Ну почему так? – плакала хозяйка, накрывая на стол. – Зачем так несправедливо? Такие молодые – и уже на войну.

Пока мужчины курили на веранде, стол, в шесть женских рук, был накрыт и, как и положено польскому столу, был необычайно хлебособен. Хозяин налил в рюмки польской водки и, встав, сказал:

– Я хочу одного – чтобы вы вернулись с войны живыми!

Все встали и выпили. Пани Мария опять заплакала. Слезы полились и из красивых глаз молодых девушек.

Сидели недолго, но как-то тепло и уютно, как бывает в хорошем доме, где все любят друг друга. И если Михаил Тухачевский был москвичом и знал, что такое родной дом, то Глеб почти четыре года не был в этом единственном для него родном доме и тепло домашнего очага почти забыл – так, иногда бывал в гостях у своих товарищей по военному училищу. И от этого, забытого в военной муштре, в жизни в казарме душевного тепла, от этой всеобщей к нему любви и доброты ему было так приятно, но в то же время так грустно, что очень хотелось плакать, и он время от времени покаш-

ливал, чтобы скрыть заполонившие его душу чувства.

На прощание пани Мария расцеловала и перекрестила, как католиков, молодых людей, опять обратилась за помощью к Божией Матери, чтобы спасла и защитила ее сыновей, которых с этой минуты, как она выразилась, у нее стало двое, и вновь заплакала. Сестры поцеловали юношей в щеки и залились стыдливой краской. А провожавший офицеров к калитке Владислав Смирнитский вдруг грустно и тихо спросил:

– Варшаву немцам не отдадите?

– Как можно, пан Владислав? – воскликнул удивленно Михаил Тухачевский.

– Это я так... Извините... Мы вас ждем! – сказал, прощаясь, пан Владислав и, расцеловав на прощание молодых людей, все-таки не выдержал, заплакал и сквозь слезы добавил: – Берегите себя и своих солдат! Мы за вас молиться будем!

VII

Лейб-гвардии Семеновский – любимейший полк их императорских величеств. А как же иначе: первый регулярный полк молодого царя Петра. Потешные игры долговязого юноши, над которыми посмеивались преющие в шубах и шапках до потолка бояре и привели к его созданию. Это не стрельцы с пиками, которым бы поорать да водки выпить, а потом бегом домой, на печку, калачи с пирогами есть. Это русская гвардия!

Лучший полк русской армии и самый ненавистный у эсеров, большевиков и «бомбистов» с 1905 года, с русской революции: пока другие колебались, стрелять – не стрелять, полк на поезде приехал из новой столицы империи в старую и быстренько разогнал восставших, не раздумывая, стреляя на Пресне по «пролетариям с камушками». А стрелять в полку всегда умели.

Попасть служить в лейб-гвардию – счастье для любого военного, а в лейб-гвардии Семеновский полк – это как получить погоны лично от самого Петра Великого. Солдатами в полк отбирали служить только русских, грамотных, рослых и голубоглазых.

Для командира Семеновского полка Ивана Севастьяновича фон Эттера полк был не просто родным, он был сво-

им. Его отец, Севастьян Павлович фон Эттер, рожденный в Великом княжестве Финском, после окончания кадетского корпуса был зачислен прапорщиком в лейб-гвардии Семеновский полк и прослужил в полку двадцать лет! Прошел все офицерские ступени и в звании генерал-майора свиты его величества стал командовать полком. И сын его, Иван Севастьянович, после окончания Пажеского корпуса тоже был зачислен прапорщиком в Семеновский полк и, как отец, дослужился до генерал-майора свиты его величества и командира этого знаменитого полка! А такой чин – это уже «превосходительство». Так что Эттеры без малого пятьдесят лет отдали службе в лейб-гвардии Семеновском полку! Их это был полк, Эттеров. Все об этом знали, и никто не возражал – только уважали.

В свой финский род – высокий и красивый, с бородкой «под царя», выходец из высшего света и до мозга костей светский человек Иван Севастьянович не был боевым генералом. Отец – да: командовал бригадой во второй турецкой компании, был награжден золотым оружием «За храбрость» и дослужился до генерал-лейтенанта. А сын был «паркетным» генералом, и прозвище в высшем свете имел соответствующее: «Ванечка». «Ванечке» нравилось красоваться на балах, танцевать мазурку, щеголять знанием языков, говорить на русском с акцентом, влюблять в себя дам и, конечно, быть на виду у их величеств – он же генерал свиты. А тут война! Тяготился войной фон Эттер. Нет, не того, что могут убить, а

что балов не будет.

– Ваше превосходительство, в приемной выпускники военных училищ подпоручики Михаил Тухачевский и Глеб Смирнитский. Разрешите пригласить? Кого первым? – спросил Эттера такой же щеголеватый, как его командир, адъютант.

– Пригласите, пожалуйста, обоих.

В кабинет командира полка вошли два высоких, стройных молодых офицера. Вытянулись и представились:

– Ваше превосходительство, подпоручик Тухачевский.

– Ваше превосходительство, подпоручик Смирнитский.

Эттер посмотрел на офицеров. Первое впечатление бывает самым точным – они ему сразу понравились: не просто, как указано в документах, лучшие выпускники, но и красавцы – как смотрятся! Приятно! Что значит гвардия! Хороши! Вздыхнул – вспомнил, что вот так же выглядел лет двадцать назад. Впрочем, и сейчас неплох. Только что, утром, расстался с одной из своих воздыхательниц. Здесь, в Варшаве, тайно – война все-таки – командующий Северо-Западным фронтом и генерал-губернатор Варшавского военного округа Яков Григорьевич Жилинский собрал нескольких генералов, знавших друг друга не по полям сражений, а по красивым петербургским и московским вечерам; были дамы, сидели тихо, как-то по-семейному. Иван Севастьянович никогда не имел отказов от влюблявшихся в него с первого взгляда женщин, поэтому сразу выбирал самую красивую и уже

от себя не отпускал. Впрочем, они не возражали. В этот раз выбрал голубоглазую полячку, жену местного чиновника – представил себя Наполеоном с пани Валевской. На дуэль никто не вызывал. Все было пристойно. Номер в гостинице был заказан и оплачен. Генерал остался доволен. Надеялся, что и она.

Холоной рукой Эттер поправил безукоризненно подстриженные усы.

– Господа офицеры, вам несказанно повезло попасть служить в гвардию!

– Так точно, ваше превосходительство! – ответили хором вытянувшиеся перед генералом молодые люди.

– Тогда рад принять вас в моем полку.

Генерал встал из-за стола, подошел к офицерам и, пожав им руки, вернулся к столу, взял два листа и сказал:

– У меня есть два рапорта от штабс-капитанов Веселаго и Хлопова. Они просят зачислить вас в их роты младшими офицерами. Вы согласны?

– Так точно, ваше превосходительство!

– Чуть потише, господа – не на плацу, и не в летних лагерях под Красным Селом, и не на параде в Царском Селе. Своими просьбами штабс-капитаны мне же и облегчили задачу. Тогда я подписываю ваши назначения во второй батальон капитана Данина. Вы, подпоручик Тухачевский, в седьмую роту, к штабс-капитану Веселаго, вы, подпоручик Смирнитский, в восьмую роту, к штабс-капитану Хлопову, –

Эттер расписался на приказах. – Служите с честью. И всегда помните, в каком полку вы служите! – Генерал взял со стола два белых разлапистых нагрудных креста с мечом и вензелями императоров Петра I и Николая II и торжественно произнес: – Вручаю вам, господа офицеры, отличительные знаки нашего полка. Идите и честно и достойно служите нашему отечеству и своему императору!

Молодые люди, щелкнув каблуками, вышли из кабинета командира полка.

– Когда-нибудь и я буду генералом! – тихо, но совершенно серьезно сказал Тухачевский.

– Не сомневаюсь, Миша, что так и будет, и его превосходительством будешь, – поддержал своего друга Глеб Смирнитский...

Молодые офицеры поступили на службу в батальон капитана Данина. Сергей Петрович был известен в полку своими независимыми взглядами в вопросах войны и удивительным бесстрашием. Это бесстрашие он проявил еще в русско-японскую войну, где молоденьким подпоручиком, заменив убитого командира роты, с тремя десятками оставшихся от роты солдат дрался в течение нескольких часов, отбивая бесчисленные атаки японцев. В той роте прапорщиком служил доброволец Семен Веселаго. Оба за храбрость были представлены к «Георгиям» и по окончании войны как герои были зачислены в лейб-гвардию, в Семеновский полк.

Данин встретил молодых офицеров приветливо:

– Смотрите, господа подпоручики, хорошо. Посмотрим, что будет в бою. О вашем назначении уже знаю, так что не задерживаю, идите в свои роты. Вас там ждут. Форму получите там же. Балов не будет. На войну, господа офицеры, приехали.

На прощание Глеб и Михаил, по русскому обычаю, расцеловались.

– Я тебе, Глеб, хочу сделать подарок, – и Тухачевский протянул пистолет Браунинга с запасной обоймой. – У меня такое чувство, что он тебе пригодится и для меня службу со-служит. Рядом будем – встретимся.

– Спасибо, Михаил!

VIII

Пауль фон Гинденбург, всеми забытый, третий год сидел на генеральской пенсии в своем поместье в Позене, что в главной военной земле Германии – Восточной Пруссии; гулял с собаками, кабанов да косуль стрелял, а по вечерам, при жарком камине, раскладывал карты, да не игральные – тактические, и цветными карандашиками рисовал стрелки по территории Восточной Пруссии и Царства Польского и план Шлиффена проверял и перепроверял. И каждый сантиметр карты он проходил и каждого нужного для войны германского солдата считал и пересчитывал. И все знал, – а чего не знал, то, как умный человек, из газет узнавал, в которых всегда все обо всем написано. Ну еще кое-что сообщал в письмах его единственный друг Эрих фон Людендорф.

Гинденбурга почему-то не любили за очень важные для военного качества: он любил точность и не переносил опозданий.

А опозданий к нему за последние три года и не было – его все забыли, кроме земляка, офицера германского Генерального, штаба, генерала Эриха Людендорфа. Да и тот, когда навещал, заранее согласовывал свой приезд, и не только дату, но и время. Привычка. И был внешне полной противоположностью огромному, с торчащими большими прусскими усами Гинденбургу: стройный, невысокий, с короткой

прической и аккуратно подстриженными усами. Людендорф был моложе Гинденбурга на восемнадцать лет, а они дружили! Когда-то совсем молоденьким выпускником юнкерского училища Эрих воевал под командованием Гинденбурга на франко-прусской войне. Тот заметил необыкновенные аналитические способности и четкую исполнительность своего земляка, взял его к себе в штаб и стал помогать развиваться военному таланту Людендорфа.

Альфред фон Шлиффен свой план «Закрывающейся двери» с битвы при Каннах, произошедшей аж в 216 году до прихода Христа в этот мир, переписал применительно не к Римской, а к Германской империи. И великолепный план у него получился: 39 дней – и Франции нет! По поводу этого плана кайзер Вильгельм II сказал: «Обед у нас в Париже, а ужин в Санкт-Петербурге!» Кайзер вообще, обращаясь к нации, заявил: «Немецкий солдат вернется домой с победой раньше, чем опадут листья с деревьев». Надо же, как точен был кайзер – листья опали, но только в ноябре 1918 года, с поражением Германии!

Интересно, а если бы Шлиффен не ушел в отставку в 1906 году и не умер за год до войны и немцы воевали бы точно по его плану, то от Франции хоть что-нибудь осталось бы за первые сорок дней начавшейся Великой войны?

Но Гинденбург не Шлиффена план рассматривал, а то, что от него оставил новый начальник германского Генерального штаба Хельмут фон Мольтке (младший).

– Ганс, – приказал он своему, еще со службы в армии, денщику, – принеси-ка нам пива и мяса; мне, как всегда, сырого.

В гостях у отставного генерала был Эрих фон Людендорф, которого только что выгнали из Генерального штаба за его резкие выступления против решения социал-демократов в Рейхстаге о сокращении расходов на военных. Он направлялся командовать пехотной дивизией на Западный фронт и впервые приехал к Гинденбургу без согласования времени своего приезда. Но Гинденбург не только не возмутился, он необычайно был рад его приезду.

– Эрих, что ты думаешь об этих новшествах Мольтке? Ты тоже считаешь, что русские три месяца будут проводить свою мобилизацию и подтягиваться к границам нашей Пруссии? – спросил Людендорфа Гинденбург, прекрасно зная, что тот, как никто, хорошо знает план Шлиффена, так как сам участвовал в его разработке.

– Русские кое-чему за десять лет после поражения от японцев научились: и вооружение более современное, и подготовка солдат другая, и новые военные заводы появились, но нам, немцам, с нашей железной дисциплиной и жестокостью к противнику они и в подметки не годятся. Но все-таки это русские. У них есть один очень большой плюс – громадный опыт умирать! Как говаривал Великий Фриц: «Нам бы столько солдат и таких солдат!» Россия по сей день аграрная страна, и у нее нет такой военной промышленности, как у нас, она не выдержит атак наших славных гренадеров.

Насчет трех месяцев я не уверен. У нас есть все их планы по развертыванию войск, но русские эти планы так часто меняют, что можно запутаться, где в них правда, а где блеф. Как они сами в них разбираются, никто не понимает. Вот сейчас уже девятнадцатый план; во всяком случае, против нас они организуют Северо-Западный фронт, против австрийцев – Юго-Западный.

– Так и нам, с нашими депутатами-социалистами, нечем похвастаться. Посмотри, какая безработица. Денег на армию и на вооружение нет. Как воевать? А воевать надо. Что думает кайзер Вильгельм?

– Он тоже считает, что план Хельмута Мольтке не так уж плох и что мы разобьем русских к осени. Но если за германского солдата я спокоен, то на австрийков я и ломаного гроша не поставлю. Боюсь, что после первых же столкновений они побегут, как всегда бежали, и нам придется не на два фронта драться, а на три.

– Ты имеешь в виду два русских?

– Да. В Польше и в Галиции.

– И что ты предлагаешь?

– Надо начинать, как и задумано, с французов, но не через Голландию, а через Бельгию!

– Молодец, Эрих! Ты читаешь мои мысли! Эти любители жаб все продолжают думать, что мы будем воевать за Эльзас и Лотарингию?

– Удивительно, но их план номер семнадцать об этом и

говорит.

Вошел денщик Ганс с большим медным подносом, на котором были огромные фарфоровые кружки с пивом и куски жареного и сырого мяса.

– Ты все тот же, Эрих, – Гинденбург разгладил свои огромные усы, – все тебе обжаренное мясо нужно. Что значит штабист. А я – нет, не могу, привык к сырому мясу, чтобы кровь капала... – Гинденбург взял с подноса большой кусок жирной кабанины, насадил его на одну из шпаг, в большом количестве висевших на стенах родового замка, и стал жарить его на огне в камине. По залу разнесся запах горелого мяса. Гинденбург, сам громадный, как медведь, вытащил горящее мясо, бросил на блюдо на столе и, обжигаясь, стал рвать куски руками и отправлять их в рот – только усы потемнели от жира; и чтобы не обжечься, запивал горелое мясо большими глотками пива. Потом вытер руки о скатерть и продолжил:

– И все-таки что ты думаешь о Восточном фронте?

– А что я должен думать, Пауль? Там у нас всего одна армия – 8-я, да еще под командованием этого болвана Максимилиана Притвица; и это против двух русских армий. Они его в клещи возьмут и раздавят. Да еще этот дурак вздумает наступать.

– Ты так думаешь, Эрих? А я вот с тобой не согласен. Посмотри, кто у русских командует армиями: 1-й – тихоня Ренненкампф. Кстати, немец! Где отличился? В подавлении вос-

станий в Китае и в России. Его за это русский император Николай любит и награждает. «Не орел, но проявил твердость в 1905 году» – это не мои слова, это слова их императора. 2-й армией командует Самсонов. Это вообще не солдат. Ты смотрел его послужной список? Наказной атаман Войска Донского, Туркестанский генерал-губернатор. И не забывай, Самсонов с Ренненкампом враги. Я тут выяснил, что в русско-японскую войну у них произошла настоящая потасовка на кулаках. Говорят, кое-как разняли. И они будут помогать друг другу? Не смешите меня!.. А над ними – командующий фронтом, Яков Жилинский! Бог мой, вот вояка так вояка. Военный агент на Кубе, советник на Гаагской конференции. Подумать только: будучи на русско-японской войне – не воевал! Правда, три года был начальником русского Генерального штаба. А перед этим всего-то командовал корпусом. И что сделал? Да ничего! И это командующий Северо-Западным фронтом? А ты говоришь, что русские реформу в армии провели? Пока этот тихоня Ренненкампф будет ползти, Самсонов, чтобы прославиться, побежит вперед. Тут-то и надо его бить. Первым! Лишь бы Притвиц сам на русских не побежал, как, кстати, и назад, за Вислу – с этого дурака станется!

– Пауль, меня смущает только одно: предостережение покойного Бисмарка о войне с русскими.

– Этот алкоголик много чего говорил. Тебя какое из них смущает?

– А вот, – Людендорф вытащил бумажку из кармана кителя и начал читать: «Даже самый благоприятный исход войны не приведет к разложению основной силы России, которая зиждется на миллионах собственно русских...»

– «Эти последние, даже если их расчленишь международными трактатами, – перебив Людендорфа, продолжил цитировать Бисмарка Гинденбург, – так же быстро вновь соединяются друг с другом, как частицы кусочков ртути». Ты это высказывание имел в виду, Эрих?

– Какая память! – воскликнул в ответ Людендорф.

– Кому нужна моя память, а главное, мы же не высказываниями будем воевать, а армиями. И лучше германской армии в мире нет. Еще бы ей генералов поумнее.

Людендорф подошел к столу и стал внимательно смотреть на вычерченные рукой Гинденбурга стрелки на картах.

– Интересно, откуда у тебя, Пауль, такие подробные сведения? Тут все просчитано.

– Эрих, голова дана человеку прежде всего, чтобы думать. Я имею в виду генеральскую голову. Солдат не должен думать, солдат должен исполнять приказы и умирать за свое отечество.

– Пауль, можно сделать тебе предложение?

– Конечно, Эрих. Я же здесь, в одиночестве, тупею среди этих карт.

– Чтобы осуществить твой план войны на Восточном фронте, я бы предложил часть войск провести между Мазур-

скими озерами и спрятать там. В нужный момент они и ударят Самсонову во фланг. Такой вариант предлагался в генштабе, но на него не обратили внимания. Согласно плану Шлиффена, прежде чем бить русских, надо разбить Францию. Это только дураки думают, что мы будем воевать на два фронта. И с этой одной 8-й армией и с Притвицем во главе как бы нам русские не дали пинка под зад, когда мы будем расправляться с французами и повернемся к ним спиной...

– Хорошо, что в Генеральном штабе есть такие умницы, как ты, Эрих! Только я давно все обдумал, – Гинденбург вытащил из вороха карт одну. – Смотри! Вот она, настоящая война! И место это – Танненберг!

Людендорф посмотрел на стрелки, бегущие по карте, удивленно поднял брови и восхищенно сказал:

– Великолепно, Пауль. Только я где-то это видел... Вспомнил: в армии, у Притвица, в штабе служит Макс Гофман. Я его знаю еще по работе в Генеральном штабе, он в русском отделе служил. Так он, кажется, это и предлагал, но его никто не слушал?

– Макс Гофман, говоришь? Проверим – не утекли ли мои расчеты... Ладно. Теперь еще один к тебе вопрос: кто из нынешних наших генералов в состоянии воевать с русскими? Я не говорю о тебе, ты – лучший! Но ты штабист. Кто? Кроме Притвица, конечно.

– В у Притвица есть два отличных генерала: командиры корпусов Август фон Макензен и Отто фон Белов. Макензен

прошел все ступени службы – от вольноопределяющегося до командира корпуса. Правда, староват – шестьдесят пять. Но, думаю, если ему дать возможность самостоятельно воевать, он сотворит чудеса.

– Значит, говоришь староват в шестьдесят пять. Если мне шестьдесят семь, то я, по-твоему, глубокий старик?

– Я не тебя имел в виду, Пауль.

– Ладно. Что скажешь об Белове?

– Пятьдесят семь лет. Из семьи военных. Отец – генерал-майор. Тоже прошел все ступени службы от командира роты до командира корпуса. Но пока над ними обоими будет нависать Притвиц, они вряд ли смогут проявить себя.

– Хорошо. Осталось немного – мне вернуться в армию. И я уверен – это наступит очень скоро. Даже раньше, чем мы думаем!.. Или ты так не думаешь, Эрих? – Гинденбург тяжело, басом, как все очень большие люди, засмеялся. Потом резко оборвал смех и положил на стол одну из карт. – Эрих, вот карта германских границ на Западе. Если наступление будет проведено не через Голландию, а через Бельгию, то обрати внимание на крепость Льеж – там можно практически решить исход войны и, разбив бельгийцев, нанести французам сокрушительное поражение. Но запомни: Льеж без тяжелых орудий не взять. Можешь туда добавить авиацию. Пусть массированно бомбят: толку ноль, но наведут панику и страх. Я тут посчитал: у Германии всего одно преимущество в технике – это в тяжелых орудиях. В восемь раз!

Вот этим и воспользуйся. Когда ты их там разобьешь и возьмешь Льеж, надеюсь, ты не забудешь замолвить словечко перед Мольтке за своего старого друга.

– Пауль, я еду командовать всего лишь дивизией в армию Отто фон Эммаха. Это, во-первых, а во-вторых, Льеж – это не орешек, это камень!

Гинденбург достал и разложил на столе схему фортов Льежа.

– Откуда у тебя схема? – удивленно спросил Людендорф. – Такая есть только в Генеральном штабе!

– Эрих, ты забыл, что я генерал и в предыдущей войне громил этих лягушатников так, что от них только петушиные перья летели. Оттуда и схема. Посмотри сюда. Только тяжелые орудия решат участь фортов Льежа. Бить надо сюда, сюда и сюда! – Гинденбург потыкал толстым пальцем в схему. – И еще: в расположении фортов есть одно уязвимое место – между фортами Флером и Эвенье... Вот тут... Я все рассчитал, Эрих. Пусть Эммах наступает, где хочет, – он будет только терять наших славных гренадеров, а ты, друг мой, постарайся ударить именно здесь, и вся слава достанется тебе.

– Но Эммах не так глуп.

– Я знаю. Отто – хороший вояка, но будь сам собой, Эрих. Ты думаешь, если тебя выгнали из Генерального штаба, то твоя жизнь и твоя карьера военного закончились? Ничего подобного! Поверь мне, это только начало твоего, а может

быть, и моего величия. Да, кстати, мне писал сын, что будет воевать под твоим началом. Ты помнишь этого непоседу?

– Оскар. В каком он сейчас звании?

– Всего лишь лейтенант. И это в тридцать один год! Нынешние руководители в военном ведомстве не любят вспоминать героев предыдущих войн. От произношения нашей фамилии у них начинают болеть зубы.

– Пауль, ты хочешь, чтобы я его спрятал в штабе?

– Я хочу, чтобы ты в нужный момент поставил его на острие атаки! Я говорю о Льеже! Эрих, мы никогда не знаем, что нам подкинет в следующий момент судьба! Главное, не забудь, когда станешь национальным героем, своего старого друга!

– О чем ты, Пауль? Как ты можешь так говорить? Мы же с тобой друзья!

– Я о старости, Эрих, о старости...

Людендоф поехал на войну, а «старик» Гинденбург остался один на один со своими знаниями.

Как в воду глядел отставной пенсионер. А может, прекрасно все рассчитал в тишине лесов?

IX

Дядя царя, великий князь Николай Николаевич Романов, длинный, как коломенская верста, разглаживал усы и бородку клинышком. С июня 1914 года Лукавый, как звали в свете за чрезмерное честолюбие и жажду власти великого князя, стал Верховным главнокомандующим всеми сухопутными и морскими силами Российской империи. Император хотел сам возглавить армию, но побоялся, да и умная жена, Александра Федоровна, отговорила. В армии Колю Лукавого любили – за храбрость, за хамство и мат, за любовь к войне. Вот и Ставку Верховного главнокомандования он создал, и Государственный совет обороны.

Это потом, когда смертельно прижало, большевики вспомнили, что до них в России тоже умные люди были.

Верховный пригласил в Ставку под Барановичами командующего Северо-Западным фронтом Якова Григорьевича Жилинского и командующих армиями: 1-й, Павла Карловича Ренненкампа, и 2-й, Александра Васильевича Самсонова. На столе были развернуты карты той части Польши, которая принадлежала Германии. Ну не России же. Доктрина у России всегда была одна – война на чужой территории. Только получалось почему-то все наоборот!..

Обсуждался план удара двумя русскими армиями по 8-й германской армии Максимилиана Притвица. На картах все

проходило прекрасно. А если учесть, что на совещании не было ни одного боевого генерала, то решения принимались быстро и согласованно.

– Наша задача, – говорил великий князь, – взять в клещи армию Притвица, разбить ее и дальше двигаться на Познань.

Командующий фронтом Жилинский поставленную задачу конкретизировал:

– Ваша, Павел Николаевич, – обратился он Ренненкампу, – армия ударом с севера отрезает Притвица от Кенигсберга и движется навстречу армии Александра Васильевича. Ваша, Александр Васильевич, армия обходит Мазурские озера и ударяет в районе Алленштейна в правый фланг германской армии, не давая ей отступить за Вислу, и смыкает «клещи». У вас, господа, колоссальный перевес в войсках. Под вашим началом почти двести тысяч солдат. Да вы Притвица должны раздавить! Я как командующий фронтом в этом уверен. Все приказы подписаны. Император, отечество, народ ждут от вас победы!

Все уже начали вставать, чтобы отбыть к войскам, как вдруг, расправив усы, генерал Ренненкампу обратился к Верховному главнокомандующему:

– Ваше высочество, а если Александр Васильевич вовремя не повернет на германца, я ведь один на один с Притвицем останусь?

– Как вы можете, Павел Николаевич! – с возмущением воскликнул Самсонов и непроизвольно дернул себя за боро-

ду. – Ваше высочество, что он говорит? Вы, ваше высокопревосходительство, оскорбить меня хотите? Не выйдет – не девятьсот четвертый год! Чего тут сложного-то – пройду мимо Мазурских озер, поверну вправо и германцу в бок и ударю! Вы сами-то, Павел Николаевич, вовремя поверните! Знаем мы вас: не ко мне навстречу пойдете, а к Кенигсбергу побегите. Славы захотели? Одним ударом судьбу войны решить, так ведь, так, Павел Николаевич? Так мыслите?

– Ваше высочество, да о чем таком говорит Александр Васильевич? Это оскорбительно! Да я вас... на дуэль...

– Прекратите, господа! – Верховный встал, и его коротко стриженная седая голова замаячила где-то под потолком. – Как вам не стыдно – судьба войны решается, а вы тут разбираетесь, кто из вас лучше воюет. Разбейте Притвица! Вдвоем! У вас для этого есть все! Идите, господа! Нам необходима эта первая победа. Отечество ждет ее от нас. Я уже доложил о планах государю... Он ждет этой победы и не сомневается в вас. Да, кстати, к вашей армии, Александр Васильевич, придается лейб-гвардии Семеновский полк. Поставьте его впереди, на острие атаки, чтобы немцы видели, кто на них идет! Весь полк, конечно, не надо – все-таки семеновцы. Один-два батальона.

– А мне? – спросил Ренненкампф.

– Не могу. Мало ли что... Лейб-гвардия...

– Впрочем, мне даже лучше... Меньше мороки, – тихо прошептал Ренненкампф.

Командующие выехали в войска на невиданном для войны транспорте – автомобилях.

Самсонов ехал и думал: «Вот сволочь этот Ренненкампф. Немец, мать его. Ничего, ты бейся-бейся, а я германца-то сильнее обойду, да не во фланг, а вообще в тыл ему зайду. И все лавры победы мне и достанутся!»

А ехавший к своей армии Ренненкампф тоже злился: «Ишь ты, девятьсот четвертый вспомнил! А Жилинский-то, сука, промолчал – как же, ни в одном бою не участвовал, а командующий фронтом. И не надейся, Александр Васильевич, что я тебе помогать буду! Жди, как говорят русские, когда рак на горе свистнет! Я Притвица и без тебя разобью и пойду не к тебе навстречу, а, как ты правильно заметил, на Кенигсберг! Познань-то мне зачем? Пусть ее Самсонов и берет. В самое сердце немцу надо ударить, в прусский Кенигсберг!»

Павел Николаевич Ренненкампф все делал, как предписывалось: послал в разведку кавалерийскую дивизию генерала Гурко. Гурко 14 августа проскакал 20 верст и не встретил противника! Он даже город захватил – Макграбов, о чем срочно сообщил командующему; правда, в городе германских войск не оказалось. Были резервисты, но без оружия, и при виде русских всадников они разбежались по домам с ратушной площади маленького городка, где пили, покачиваясь и громко напевая, хорошее немецкое пиво. Гурко с казачками тоже пивка попробовали, плюнули – не казацкий напи-

ток, показали удивленно и со страхом глядящим в окна жителей городка джигитовку с шашками и пиками и... ускакали обратно за государственную границу – домой!

Так прошли первые три дня этой войны!

Ренненкампф задумчиво боялся – где противник? Медлил, но все-таки через три дня топтания приказал: «Вперед... не спеша...» – и вся армия – 65 тысяч человек с пушками, лошадьми, пулеметами – стала тихонечко переходить границу. Шли, а противника все не было. Ренненкампф испугался: может, ловушка, заманивает германец?

Но не все боялись, – вперед вырвался корпус генерала Штейнбока: двигался без разведки, без охранения, колоннами, с развернутыми знаменами! Штейнбок уже представлял, как он первый настигнет отступающего противника и разгромит его. Ренненкампф послал ему приказ: «Остановитесь! Подождите основные силы». Да куда там – вперед, за славой! «Этот старый немецкий пердун еще приказывать мне будет! Выиграю битву и займу его место, – засмеялся, прочитав приказ, Штейнбок. – Немца на немца поменяем».

Максимилиан фон Притвиц, старый вояка, когда узнал, что русская армия перешла границу, в своем штабе собрал генералов и ткнул пальцем в карту:

– Армию двигать сюда, к Гумбиннену – вот место, где мы разобьем русских. Генерал Макензен, ваш корпус на острие их атаки. Генерал Белов, прошу ваш резервный корпус как можно быстрее привести к Гумбиннену и помочь Макензе-

ну.

– Но, ваше превосходительство, – задали вопрос штабисты, – что делать со 2-й русской армией? Самсонов, согласно решению русской Ставки, должен вот-вот выдвинуться и ударить нам во фланг.

– Да бросьте вы вспоминать этого Самсонова. Пока он обогнет Мазурские озера, мы разобьем Ренненкампфа. Надо же: немец против немца – что у русских за армия, когда в войне с нами командуют их армиями немцы же? Ну ладно бы лет сто-двести назад, а то ведь в наше время! Впрочем, у них и императрица – немка. Итак, мой приказ: армии идти к Гумбиннену и готовиться к битве.

Но и в немецкой армии тоже не все было в порядке с дисциплиной. Командир корпуса Герман фон Франсуа, как и русский генерал Штейнбок, решил, что он выиграет начало этой войны, и, наплевав на приказы Притвица, повел свой корпус на русских. Притвиц, узнав, приказал: «Остановитесь и идите к Гумбиннену!» Ответ не заставил себя ждать. «Приду, когда разобью русских!» – заявил бравый командир и вышел в лоб на праздню идущие колонны корпуса Штейнбока, а так как увидел русских первым и шел без песен и развернутых знамен, то так дал по русскому корпусу: смял и разбил пехотную дивизию – почти вся дивизия полегла, а русские солдаты и офицеры, которые не погибли, попали в плен. Генерал Франсуа открытым текстом по радио сообщил о своей победе над русскими и погнал захваченных русских, как

скот, в плен, как когда-то гнали в полон русских тевтонские рыцари. Когда командиру 25-й пехотной дивизии генералу Семенову доложили о перехваченной радиোগрамме немцев, то тот таким же открытым текстом начал ругаться:

– Штейнбок, сука немецкая, прославиться решил! А надо идти выручать.

– Как? – спросили офицеры штаба дивизии. – Дивизией против германского корпуса?

– Там наши, русские солдаты умирают! Вперед!

Семенов свою дивизию бросил вдогонку Франсуа, догнал и так измолотил, что, побросав орудия и пленных, brave немецкий генерал с огромными потерями кое-как оторвался от преследования и с поникшей головой появился перед командующим армией Притвицем.

– Ну что, навоевался, генерал? Опозорил германскую армию. Хрен бы с ним, что солдат потерял, но ты германский дух победителей в наших солдатах подорвал. Иди, занимай с остатками своего корпуса место на поле боя – если от тебя и твоих солдат ничего не останется, я плакать не буду. Твой командир с сегодняшнего дня Август Макензен. Он тебе быстро мозги вправит! Пошел вон!

Ренненкампф к Гумбиннену подошел фронтом аж в 50 километров – всего тысяча солдат на километр! И опять же русским повезло: перед армией стоял один Макензен. Да и этот brave генерал, по-видимому, тоже решил получить лавры победителя русских. В надежде, что его успеет под-

держат корпус Белова, Макензен направил своих солдат в атаку... и поплатился. Кое-чему русские и правда научились после войны с Японией. Корпус был встречен таким ураганным артиллерийским огнем, что, оставив восемь тысяч убитыми, Макензен бесславно отступил.

Когда дым над полем боя рассеялся, открылась страшная картина: некоторые убитые не упали, а стояли и смотрели мертвыми глазами, а черепа их были срезаны снарядами; мертвые лошади лежали вместе с мертвыми седоками, и над всем полем боя стоял нестерпимый запах сгоревшего пороха и сгоревших трупов. Про противогазы еще никто не знал, и чтобы не задохнуться, русские солдаты мочились на тряпки и закрывали ими носы.

А Белов все тихонечко шел, шел... и наконец пришел; узнав обстановку, он спешно отошел с поля боя, заявив, что он в резерве и никаких дополнительных указаний не получал.

Ренненкампф, как Кутузов после первого дня Бородинской битвы, отдал приказ: «Германца гнать!» – но когда узнал, что потери его армии составили 17 тысяч солдат, приказ отменил – пусть и другие повоюют. И сколько ни посылали угроз в его адрес из Ставки, командующий армию не сдвинул с места.

Притвиц же отдал приказ спешно отступить за Вислу – за что и поплатился! В германском Генеральном штабе быстро нашли виновника поражения: выгнали Максимилиана Прит-

вица с должности командующего армией, обвинив его в поражении и неспособности руководить войсками, что и подтвердили генералы Макензен и Белов, а также Герман Франсуа, который больше всех кричал, что, если бы не Притвиц, он бы русских разбил, и назначили нового командующего армией... Пауля Гинденбурга.

Но вначале была слава Гумбиннена и позавидовавший такой славе Самсонов, который точно в согласованный Ставкой день повел свои войска через границу, к месту своего несмываемого позора – на Танненберг!

X

Когда немцы разбили корпус Штейнбока, в плен попал и штабс-капитан, командир роты Александр Глебович Переверзев. Штабс-капитан был прекрасным офицером и имел хороший послужной список. Да, не воевал, и что? Большинство офицеров в таком звании не воевали. И для многих эта война была счастливой картой, единственной возможностью, быстро, если повезет, дослужиться до штаб-офицерских званий и должностей командиров полков, а это уже дворянство, ордена и личный доход. Чего греха-то таить – на войне убивают, и не только солдат, но и генералов, и по должностной лестнице даже карабкаться не надо – главное, останься живым! Каждый считал, что он и есть тот счастливчик, которому повезет. Александр Переверзев очень хотел стать полковником, как его отец, иметь «Георгия» и иметь еще детей с любимой женой – единственный ребенок, сын Никита, уже взрослый – двенадцать лет, тоже хочет, как дед и отец, стать офицером, готовится поступать в кадетский корпус.

Рота со своим командиром дралась необычайно смело, отбивала атаку за атакой, когда закончились патроны, пошла в штыковую и почти вся полегла! Штабс-капитану повезло – контузило взрывом, потому и остался живой. Его, оглушенного, полуслеплого, не понимающего, где он находится и что

с ним, вместе с двумя такими же ранеными русскими офицерами немцы забросили, как бревна, в телегу и повезли по тряской сухой дороге в плен. Переверзев плотно, в обнимку, лежал между этими двумя офицерами, и только его голова моталась из стороны в сторону, и от этого мотания, от этой сдавленности он время от времени терял сознание и даже не заметил, что его товарищи по несчастью умерли. У первого была маленькая дырочка в полевой гимнастерке, чуть повыше ремня, и его живот наполнялся из продырявленной осколком кишки калом, раздувался от газов; раненый кричал, его рвало, и он этой зловонной рвотой захлебывался, заливал своих товарищей, а потом затих и умер. А у второго всего-то была сломана кость голени, но так как ему не оказали помощи и не наложили шину, то от тряски отломки его кости ходили друг против друга, терлись, скрипели, и он вначале кричал матом и молил Бога, чтобы его пристрелили, а потом – как говорил великий русский хирург Николай Пирогов: «Бойся тех, кто молчит!» – замолчал, посинел и умер от болевого шока.

И Переверзева бы не довезли – экая потеря для немцев, но вмешались судьба и дивизия генерала Семенова. Когда немцев разбили и пленных освободили, то солдаты, выгружая лежавших в телеге трех офицеров, решили, что они все мертвы, и понесли их облеваные, вонючие тела к выкопанной наскоро могиле. И в самый последний момент, когда один из солдат брезгливо доставал из карманов убитых докумен-

ты, ему вдруг показалось, что мертвый капитан тихо-тихо застонал. Солдат испугался, размашисто закрестился и заорал: «Санитары!» Санитар не спеша подошел к убитым, и солдат, показав трясущимся пальцем на мертвого штабс-капитана, прошептал: «Этот, кажись, живой». Санитар, старослужащий и поэтому повидавший на своем веку всякого, как учили, достал и поднес к губам мертвого маленькое зеркальце, и оно – о боже – запотело! И это маленькое зеркальце и эта дымка на его поверхности спасли жизнь Александру Переверзеву.

Штабс-капитана отправили в тыл, где он отлежал два месяца в лазаретах. Жизнь ему спасли, а душа как будто перекосилась: Переверзева стали периодически мучить страшные головные боли, от которых не было спасения; не помогали ни лекарства, ни компрессы; эти боли иногда переходили в приступы эпилепсии. В конце концов военная комиссия признала штабс-капитана негодным для войны и выдала маленькую бумажку, по которой Александр Переверзев становился простым гражданским человеком.

Бывшего офицера указом его величества наградили низшей офицерской наградой – орденом Станислава III степени, без банта и отправили на пенсию по инвалидности. Если бы штабс-капитан потерял руку или ногу, то его на каждом углу Москвы встречали бы как героя, защитившего отечество, а так он стал никому не нужным человеком с одиноким орде-

ном на френче без погон.

Любимая жена, недолго думая, мужа-инвалида бросила и ушла к одному из тысяч расплодившихся сразу, с первого дня войны, спекулянтов, гордо называвших себя «новыми буржуа», при этом оставив Переверзеву и двенадцатилетнего сына. Из всего имущества у бывшего штабс-капитана осталась небольшая двухкомнатная квартира и фотография отца – героя, погибшего на русско-японской войне полковника Глеба Переверзева. Когда-то принадлежавший полковнику большой дом после его смерти как-то быстро оказался отпisanным дочери его второй жены, и Александру Переверзеву в сущности ничего и не досталось, кроме дворянского звания. Так это уже были времена, когда дворянские звания не кормили. Правда, как офицеру – инвалиду войны чиновники пошли навстречу: его сына Никиту приняли в Московский кадетский корпус на полное государственное обеспечение, а так бы дворянский род Переверзевых пошел по миру с протянутой рукой. Переверзев хотел устроиться на какую-нибудь работу, но его как инвалида «на голову» не брали – отказывали под любым предлогом. Вначале это обижало, потом злило, потом наступило равнодушие. Чтобы снять периодически возникающие нестерпимые головные боли и утихомирить всплывающую откуда-то из груди злобу на всех, Переверзев все меньше и меньше стал выходить на улицу – сидел в своей комнате и пил водку... Иногда, в день получения очередной пенсии, выпив, вдруг вскакивал и шел в ре-

сторан, где веселился московский свет – буржуа, штабные офицеры и множество прехорошеньких женщин. Заказывал графин водки, какой-нибудь закуски, к которой не притрагивался и пил, смотрел на веселящихся окружающих и наливался злобой на эту праздную публику, на окружающий мир, на войну, на власть... орал и ругался, и его выводили из ресторана и предупреждали, чтобы больше не приходил – не пустят. Он на какое-то время затихал, а потом опять напивался, и все начиналось по новой – до мельчайших деталей одинаково. Он уже не стремился искать работу – кому нужен инвалид, пусть даже войны? Их, этих инвалидов войны, становилось в России с каждым днем все больше и больше: безногие ползали по улицам и площадям городов на деревянных тележках, безрукие и слепые, с обезображенными взрытыми лицами, протягивали обрубки на папертях. Кому нужен дворянин, бывший штабс-капитан, инвалид Александр Глебович Переверзев – только сыну, и более никому.

XI

Вот вам и судьба с этим Гинденбургом. Военные штабы нескольких стран годами операции разрабатывали, как немцев в Пруссии разбить, а пенсионер все их планы, вечером у камина в карты поигрывая, да не в игровые – в военные, и разгадал. Все на фронте происходило и случилось именно так, как и предвидел и предсказал Пауль фон Гинденбург.

Для захвата Льежа германским Генеральным штабом была создана группировка из шести отдельных пехотных бригад под командованием генерала Отто фон Эммаха, которую красиво называли «Мааская армия». Дивизия Людендорфа вошла в состав бригады генерала Ганса Вюссова по прозвищу Дебил. Как Дебил дослужился до генерал-майора, одному Богу известно, ну еще некоторым чиновникам в Рейхстаге и правительстве – он был чьим-то родственником. Он знал всего одну команду: «Вперед!». Ему бы века на три раньше служить! Впрочем, и другие командиры бригад были не намного умнее Вюссова. Мааская армия пошла в лоб на великолепно укрепленные форты Льежа, да еще бельгийцы взорвали мосты через реку. Немцев расстреливали из пушек, а тех, кто все-таки доходил или доползал до фортов, бельгийцы приканчивали из пулеметов. Это было побоище! Убитые немцы столь плотно лежали перед фортами, что защитники выходили из фортов и растаскивали в стороны трупы, чтобы

вести огонь! И так атака за атакой.

Людендорфу надоело исполнять приказы Дебила и укладывать в штабеля своих солдат; при невыясненных обстоятельствах генерал Вюссов был убит шальной пулей (немецкой?), и командиром бригады назначили Людендорфа – командующий Эммах был чуточку прозорливым, да и генералов в запасе у него не было.

Умница Людендорф, став командиром бригады, сделал так, как ему советовал Гинденбург: притащил на свои позиции тяжелую артиллерию, договорился с авиацией – те нанесли массированный бомбовый удар (впервые в мире) по фортам, правда, убили всего семь человек, но страху навели. А Людендорф ударил из тяжелых орудий и методично стал разрушать форт за фортом, а потом пошел во главе гренадеров в атаку, в стык между фортами Флером и Эвенье, закрепился на противоположном берегу и, обогнав свои войска, на автомобиле (!) доехал до главной цитадели города. Бельгийцы, не оказывая сопротивления, сдались! За взятие Льежа Людендорф получил высший орден Пруссии – «Голубого Макса» и стал национальным героем. Сын Гинденбурга был все время в первых рядах атакующих войск. Людендорф помнил просьбу своего друга.

Путь на Париж был открыт. А французы все ждали, когда немцы будут воевать за Эльзас и Лотарингию!

И как все хорошо начиналось у немцев на Западном фронте: точно по плану «Закрывающейся двери», если бы не рус-

ские.

Хельмут Мольтке вызвал Людендорфа в германский Генеральный штаб.

– Забудем обиды, Эрих? – сказал Мольтке. – Не я тебя выгнал из Генерального штаба и скажу тебе честно, и мне эти крикуны-социалисты поперек горла стоят. Наше дело, Эрих, война и победы. Ты видишь, что происходит на Восточном фронте? Позор! У нас все силы брошены на взятие Парижа. Я предлагаю тебе возглавить штаб 8-й армии. Притвицу не хватает мозгов, а солдатам его армии успеха – они полностью деморализованы.

– Никогда! – перебил начальника Генерального штаба Людендорф.

– Что «никогда»? Я не понял, генерал, – вы отказываетесь исполнять приказ во время войны? Вы знаете, что за это полагается? Расстрел! Вы что о себе возомнили? По-видимому, не зря вас называют Выскочкой!

– Ваше превосходительство, вы меня неправильно поняли! Я имел в виду то, что пока 8-й армией будет командовать Максимилиан Притвиц, я не хочу быть в ней начальником штаба.

– Ну... как гора с плеч! И кого ты, Эрих, предлагаешь вместо Притвица? – радостно спросил Мольтке.

– Гинденбурга! – был ответ.

– Не смейся, Эрих! Старик Пауль, наверное, давно забыл,

как на карты смотреть, все по лесам кабанов стреляет.

– Ошибаетесь, ваше превосходительство! Он единственный, кто может спасти Германию на Восточном фронте!

– Ну, раз единственный... и только из уважения к тебе, Эрих, я сейчас же отдам приказ о назначении Гинденбурга командующим 8-й армией. Пусть возвращается. Думаю, хуже не будет, если в армии вместе с тобой будет и он. Какая тебе еще помощь нужна? Только не ввязывайтесь в драку с русскими – ты же знаешь, нам нечего снимать с Западного фронта. Главная наша задача – быстрее поражение Франции!

– Позвольте вас поправить, ваше превосходительство: не Гинденбург при Людендорфе, а Людендорф при Гинденбурге. И только так!

– Хорошо, хорошо. Я знаю, что вы друзья. Только помни Эрих, о чем я тебя просил: не ввязываться в драку... хватит нам Притвица! Ваша задача – имеющимися силами сдержать наступление русских, пока мы не расправились с лягушатниками. И старину Пауля об этом предупреди. Иди, Эрих, да поможет вам Бог.

– Ну-ну, посмотрим, – посмеиваясь, сказал, выходя от Мольтке, Людендорф, – сейчас старина Пауль покажет вам, как он забыл карты... И Бог ему вряд ли для этого будет нужен.

Гинденбург как будто ждал посыльного с приказом из Ге-

нерального штаба о своем назначении – нисколько не удивился. «Ганс! – крикнул денщику. – Поехали!»

Вышколенный десятилетиями службы Ганс взял уже уложенный генеральский чемодан и понес к коляске. Правда, по дороге спросил:

– Карты брать?

– Стареешь, Ганс, – ответил Гинденбург и, постучав пальцем по своей голове, произнес: – Все здесь. Все до последней деревни и последнего солдата!

Старикан Гинденбург пришел в разбитую 8-ю армию вместе с Людендорфом и сразу же вызвал к себе в штаб генералов Макензена и Белова. Генералы думали, что они пойдут в отставку вслед за бывшим командующим армией Максимилианом Притвицем, а Гинденбург, расправив свои огромные усы, прорычал с высоты своего роста:

– Что, обос... перед русскими?! И кто вас разбил при Гумбиннене? Немец! Вот что, Август и Отто (Гинденбург был поклонником Фридриха Великого в вопросах простоты обращения к подчиненным), у вас есть возможность смыть этот позор. Пока этот осел Ренненкампф остановился и думает куда идти, быстро собирайте свои бегущие корпуса и ведите их вот сюда, – показал на карте, – вот этим путем.

– Но там же озера? – спросил удивленно Макензен.

– Точно, не пустыня. Вот этим путем пройдете. Ты, Август, станешь здесь, ты, Отто, – здесь. Когда Самсонов свою армию проведет между вами, тогда и разрежете его на части.

– А он пройдет здесь? И когда? – удивился Белов.

– Здесь и через три дня. Так что галопом скачите.

– Но это же армия! Мы что, двумя корпусами ее разобьем?

– Эрих, – обратился Гинденбург, к присутствующему начальнику штаба армии Людендорфу, – и ты говорил, что эти молодцы могут свернуть горы, если им дать волю? Что-то мне не верится. Они – трусливые кролики, а мне нужны волки. Мне что, вас заменить, или вы хотите стать героями нашего отечества? Почему двумя – забирайте всех, и как можно быстрее заберите корпус у этого придурка Франсуа, пока он его совсем не угробил.

– Мы все поняли! – хором ответили генералы. – Мы задушим армию Самсонова.

– Ничего вы не поняли! Разбить Самсонова – это половина дела. Надо разбить его моментально, после чего развернуться и разбить Ренненкампфа. Понятно?

– Так точно!

– Посмотрим, как вы поняли. Эрих, усиль их артиллерией и отдай им все боеспособные части. Кстати, отдай им эти две русские уродины – броневые автомобили. Посмотрим, как они себя покажут в бою. Я все-таки думаю, что вы там, в Генеральном штабе, ошиблись, когда отказались их у нас производить. На хрена тогда мы их украли? Любоваться, что ли? На них посмотришь, и сразу с... хочется от страха. Вот русские молодцы: вроде и создать ничего путного не умеют, а смотрите, какое оружие! Когда еще танки-то появятся – все

обещают?

– А как они, ваше превосходительство, между озер пройдут? – спросил фон Белов.

– Надо будет – на руках протащите! Вы меня еще благодарить будете, что я вам дал такое оружие. Скольким солдатам жизнь сохранит. Мы не русские, мы своих солдат беречь умеем.

– А Ренненкампф? С ним что делать? Он же может нам в спину ударить?

– Не ударит, Август, не ударит! На сдерживание Ренненкампфа оставим парочку дивизий, и пусть они перед ним так шумят, чтобы он трясся от страха и думал, что против него стоит вся наша армия. И еще одно: смотрите сюда – вот место, – он показал на карте, – где вы Самсонова будете бить, – Танненберг. Ничего вам не говорит? Вот что значит молодежь, не знающая истории своей страны! Здесь в тысяча четыреста десятом году произошла знаменитая Грюнвальдская битва, где наши предки – тевтонские рыцари потерпели поражение от поляков. А вместе с поляками против наших предков тогда дрались литовцы и русские. Так что пора отомстить за тот позор! Ребята, в бой! Не посрамите старика Гинденбурга! – и уходящим генералам, в спину, глухо проговорил: – Август, там у тебя командиром батальона капитан Оскар Гинденбург – не жалеть, бросать в самое пекло!..

А как хорошо, как красиво шли русские полки!

XII

Коля Лукавый вызвал в Ставку командующего Северо-Западным фронтом Жилинского и задал всего один вопрос:

– Яков Григорьевич, вы тут в рапорте о состоянии дел на фронте приписку какую-то непонятную сделали, да так мелко, что я кое-как с лупой прочитал, что командующий 8-й германской армией Максимилиан фон Притвиц снят с должности и Мольтке назначил новым командующим армией какого-то Пауля Гинденбурга. Кто этот Гинденбург? Что эта замена значит? И кто такой новый начальник штаба 8-й армии Эрих Людендорф?

– У нас очень мало сведений по Гинденбургу. Он уже три года как генерал в отставке. Воевал на двух войнах. Уже три года на пенсии. Зачем его поставили вместо Притвица, непонятно. Видимо, у Мольтке действующих боевых генералов не хватает, – Жилинский мелко засмеялся. – Смешно – пенсионеров призывают обратно в армию. Что касается Людендорфа, то до войны он занимался в германском Генеральном штабе мобилизацией. Был снят со своего поста и отправлен на Западный фронт. Командовал пехотной дивизией, затем бригадой. По полученным сведениям, отличился при захвате Льежа и был награжден за взятие этой бельгийской крепости «Голубым Максом».

– Это что еще за награда? Я о такой не слышал.

– Так немцы называют свой высший прусский орден «За заслуги». Кстати, Людендорф с Гинденбургом – земляки и друзья. Поэтому, наверное, вместе и назначены.

– И все-таки что нам от этих назначений ждать?

– Да ничего. Эта моя приписка, ваше высочество, – так, к сведению. Что можно ждать от разгромленной армии, возглавляемой пенсионером?

– Да, Германия, мы ожидали от тебя чего-то большего... чем генералов-пенсионеров. Ну и хорошо. Как там Александр Васильевич?

– Все идет согласно утвержденному Ставкой плану. Самсонов с Ренненкампом берут 8-ю германскую армию в клещи, и никакие смены командующих немцам уже не помогут. Разбиваем 8-ю и далее на Познань и на Берлин!

– Хорошо звучит: «на Берлин!». И не думалось, что так быстро с немцами расправимся!

XIII

Гвардейцы рот Веселаго и Хлопова считали, что им необыкновенно повезло: из Семеновского полка только батальон капитана Данина был направлен в бой. Так – показать себя, пройти с развернутыми знаменами впереди войск. Царское Село, да и только! А то гвардия – и вдруг не воюет? Остальные батальоны полка оставались на территории Польши. Хлопову и Веселаго завидовали все офицеры, а какая радость и возбуждение были у Тухачевского со Смирнитским! Через несколько дней по прибытии в полк – и уже в бой.

– Эй, молодежь, – кричали им, – всех немцев не перебейте! Нам оставьте. Все хотят иметь ордена!

– Может, чего-нибудь и оставим, – весело кричали они в ответ.

Архип Феррапонтов чего-то объелся и слег в лазарет.

– Не выздоровеешь к моему возвращению – заменю! – пригрозил Тухачевский.

– Как можно, ваше благородие. Обижаете... Ой, извините, в кусты мне надо. Съел чего-то...

– Как бы у тебя, Архип, не медвежья болезнь?

– Как можно, ваше благородие... Ой, побегу. Я день-два травки попью и вас догоню. Не сумлевайтесь...

Архип побежал в кусты. Тухачевский покачал головой и, задорно засмеявшись, побежал к батальону, который рота

за ротой выстраивался ровными волнами перед командиром полка его превосходительством генерал-майором фон Эттером.

– Семеновцы! Лейб-гвардия! – кричал поставленным за десятилетия военной службы голосом Эттер. – Вы идете в бой защищать святую русскую землю от поругания врагов. Перед вами враг, который напал на наше отечество. Как при Полтаве, как при Бородине не посраим себя – умрем за царя и отечество! В бой, семеновцы! Да пребудет с вами Бог! Вперед! – слышно было, как слезливо задрезжал в конце речи голос командира полка.

– Батальо-он... Шагом ма-а-рш! – скомандовал зычным голосом капитан Данин, и батальон как выдохнул – раз, и повернулся сотнями солдат, и пошел строем перед фон Эттером с вынутыми, сверкающими на солнце шашками офицеров и начищенными штыками гвардейцев; и всем им с нескрываемой завистью смотрели вслед оставшиеся офицеры и солдаты полка – вот повезло-то: сейчас день-два – и засверкают награды на их груди. В армии Самсонова уже было известно, что немцев разбили при Гумбиннене и они отступают и бегут за Вислу, и их армии осталось только успеть ее догнать, добить... и получить ордена. Впереди ждала слава!

Как-то необычайно началась для молодых офицеров эта война. Без единого выстрела входила армия в Восточную Пруссию – непривычно тихо и легко. Немцев не было видно. Впереди пролегла широкая дорога. В воздухе птички поют.

Справа Мазурские озера плещутся, слева кустики с редким лесочком. Жарко. Построившись в колонны, роты, батальоны, полки, дивизии, корпуса пошли по этой дороге. Шинели в скатках, форма легкая, летняя, обмотки на ногах чистые, ботинки новые, а у гвардейцев сапоги скрипят, офицеры и вестовые на сытых, пританцовывающих от этой сытости лошадях... красота! Песен и развернутых знамен только не хватает. Из строя никто в кусты по нужде не выбегает – не положено без приказа. А сбегали бы – может, и не так радостно шли: увидели бы, как из дальних кустов, из озер смотрят на идущую армию в бинокли немецкие офицеры, как поднимаются на нужный угол артиллерийские стволы, пулеметы расчехляются, запалы на гранатах проверяются, штыки к винтовкам привинчиваются... Зачем разведка? Какой противник? Главное – успеть догнать бегущего за Вислу немца. Шире шаг! Как же счастливо на сердце у командующего армией, его высокопревосходительства, генерала от кавалерии, награжденного аж тринадцатью орденами и золотым почетным оружием, Александра Васильевича Самсонова. Имя-отчество-то какое!

Генерал Самсонов приказы Ставки знал, да, как бывает на Руси, по-своему их понимал: раз немца нет, то не к Ренненкампуфу поближе пошел, чтобы, согласно планам, «клещи» армии германской устроить, а стал влево отворачивать. Говорят, что у человека при ходьбе у правой ноги шаг шире и идет он не по прямой, а зигзаг делает – влево. Вот Александр

Васильевич зигзаг влево и сделал. И так был уверен в своей непогрешимости, что когда немец с флангов «под корень» по его армии ударил, то все вперед приказывал идти и сам к войскам выехал. А приказы отдавал по радио открытым текстом!

И почему у нас, у русских, всегда как-то так... не так?

И все происходило, как Гинденбург предсказывал: Ренненкампф после победы под Гумбинненом остановился то ли от радости, то ли от страха, а когда уже стали из Ставки на него орать, еле поплелся и отвернул вправо к Кенигсбергу, а Самсонов побежал вперед и влево. Вот из Мазурских озер Гинденбург, оставив против Ренненкампфа всего две дивизии, одна из которых была вообще из необстрелянных резервистов, ударил по армии Самсонова.

Ах, как красиво шли русские войска!

Когда загрохотало со стороны озер и начали взрываться снаряды, то никто ничего и не понял. И только когда еще и с другого фланга понеслись снаряды, начали соображать – немец разрезает армию на части. И командующий армией со звонким военным именем-отчеством принял такое, кажущееся ему единственно правильным и верным решение: он в этот, еще открытый мешок стал проталкивать свою армию вперед, как селедку в сеть, плотно набивая в узком пространстве войска, выталкивая на голую равнину, в поле. Даже прозорливый Гинденбург такого не мог предвидеть – русские сами себя загоняли под снаряды и пулеметный огонь!

Немцы сдавливали петлю на теле армии, отсекая корпуса, а командующий Самсонов зачем-то выехал в войска, в окруженные части, вместо того чтобы заниматься своей прямой обязанностью – руководить и спасать армию. Немцев-то было в пять раз меньше! Самсонов со всем своим штабом забрался в немецкий котел и начал отдавать приказы, опять же открытым текстом, один глупее другого и устроил такую неразбериху и хаос, что никто уже не понимал, что делается и что делать. Армия и побежала... назад, где немец петлю уже сдвинул и ее ждал. Все по Гинденбургу!

А какая радость была у генералов Макензена и Белова – наконец-то их заметили, наконец-то они могут себя проявить. И кто их заметил – пенсионер Гинденбург. Гинденбург был тонкий психолог: развел генералов в стороны и каждому отдельно сказал: «Фас!» Завидующие друг другу и желающие только для себя славы генералы бросились рвать русскую армию – кто сильнее и злее!

XIV

Батальон семеновцев шел впереди, шаг у гвардейцев широкий – по росту и шаг. Может, и ожидали встречной атаки немцев, которой все не было, да и успокоились, чуть не бежали от радости – ушли вперед значительно.

– Господин капитан, остановиться бы, оторвались от своих основательно. Подождать бы... Да и устали люди, жарко, – просили Данина.

– И где немец? И что за война? – командир батальона открыл карту и пальцем по ней провел, а потом этим же пальцем указал вперед: – Вон, видите, вдалеке лесок – там будет привал. Сообщите по ротам.

И понеслось по взводам и ротам радостно: «Прибавь шаг! Скоро привал – там, в лесочке...» И сразу повеселели и уже над усталыми, пыльными людьми понеслось:

– Наконец-то, а то мочи нет, так-то шагать который час...

– Что, неужели не научился терпеть на парадах-то?.. Там стоишь, стоишь... и-ии...

– Откуда ему уметь-то? Он всего-то по третьему году...

– А-а! Ростом вымахал – башкой в небо упирается, а терпеть не научился. Ты со своей колокольни привал-то не пропусти. А то пробежим мимо... Все уж накурятся, а мы так и будем бежать...

– Куда ты там побежишь-то, когда по колено все под нога-

ми развезет от ст...ки? Впереди нас две роты, они такие озера нальют: прежде чем ты дойдешь до привала – застрянешь!

– Ха-ха-ха... Правильно сказали, господин ефрейтор.

– А правда, говорят, что в старые-то времена у семеновцев чулки были красными?

– Ты к чему это? Но правда. Говорят, под Нарвой-городом по колено в крови семеновцы стояли, а не дрогнули, вот царь Петр и приказал такую форму им носить.

– А сейчас чего?

– А тебе что, портянки или обмотки красные выдать?

– А-а... Тогда, конечно, да...не надо.

– Не бойсь, сейчас желтыми будут!

И смех, и сразу усталости на лицах меньше, а где-то и хохот. А командиры прикрикивают: «Разговорчики! Прекратить! Шире шаг! Куда ты поперся в сторону? Потерпишь». Да куда уж шире – почти бегом. Хорошо в гвардии – начальников над ней нет, она сама по себе: хочет – идет, хочет – стоит. Властен над ней только государь. Ну и Бог, конечно.

И когда немец ударил по корпусам армии с флангов, то это было далеко, за спиной, позади батальона, а впереди не было никого – во всяком случае, никто в лицо не стрелял. Здесь было тихо, а там – нарастающий вой и взрывы снарядов, пулеметные очереди и далекие, далекие крики.

Командир батальона капитан Данин, как знал, как умел, как учили, как на учениях, собрал прямо в поле штаб из командиров рот и их заместителей. Пришли и штабс-капитаны

Веселаго с Хлоповым и своих младших заместителей – подпоручиков Тухачевского и Смирнитского привели с собой, пусть учатся воевать.

Сергей Петрович Данин, высокий, полноватый мужчина, страдал одышкой и от этого говорил с каким-то придыханием:

– Господа офицеры, позади нас идет бой. Откуда здесь противник, я не знаю. Мы же идем на соединение с армией Ренненкампа и сами должны окружить восьмую армию немцев. А тут удары по флангам... Что будем делать? Разворачиваемся? Прошу высказываться.

– А чего решать – надо разворачиваться! – громко сказал Хлопов.

– Допрыгались! – зло произнес Веселаго. – Как на параде шли! Мы же не знаем, какими силами противник наступает. Но то, что не малыми, понятно – все-таки против целой армии дивизию или корпус не бросишь. Интересно другое – почему впереди-то такая тишина? Странное окружение? Сил у противника на полное окружение нет? Или еще ударят в лоб как раз по нашему батальону?

– Прошу еще высказываться, господа офицеры. Важно выслушать всех.

– Принимать решение вам, Сергей Петрович. Так принимайте решение, и пойдём в бой. Умрем – так умрем за царя и отечество, – прозвучало из уст одного из командиров. И все стали высказываться, и все как один: «В бой! За царя,

за отечество!»

– Все? Больше никаких предложений нет?

Перед Даниным стояли не трусы, не паникеры – офицеры императорской лейб-гвардии, и он это понимал и потому старался выслушать всех, хотя знал, что решение примет он, только он, и это решение он уже для себя принял, но медлил сказать об этом, а почему медлил – он и сам не знал. И когда он уже хотел отдать приказ об отходе назад, раздался тихий, спокойный голос подпоручика Смирнитского. Данин даже удивился, насколько был ровен и спокоен этот голос.

– Позвольте высказаться, ваше высокоблагородие?

– Да? – удивился Данин. Он удивился, что обращался не офицер штаба, не ротный командир, а младший заместитель, которому он разрешил присутствовать только по просьбе штабс-капитана Хлопова.

– Господин капитан, если немцы хотят отсечь и окружить, пусть даже часть армии, то надо идти не назад, а вперед. Если мы повернем назад – мы в окружение сами и войдем!

– Как ты можешь, Глеб? Там же товарищи наши дерутся! – вспыхнул Тухачевский.

– Спокойно Михаил, не мы с тобой здесь принимаем решение. Я с позволения Сергея Петровича всего лишь высказываю свое мнение и предлагаю идти вперед и тем самым не попасть в окружение, пока немец это окружение нам не устроил.

– Ты... ты, Глеб, неправ, – тихо сказал Тухачевский.

– Ты еще скажи, что я трус, ну и сразу на дуэль...

– Я такого и не говорил, и не думал.

– О, как сцепилась молодежь! – вдруг засмеялся Веселаго. – Точно до дуэли дойдет.

– Может, мне вам, подпоручики, командование батальоном передать? – зло спросил Данин.

– Извините, господин капитан.

– А вы, подпоручик Смирнитский, уж больно осторожный. Вас пригласили для того, чтобы вы слушали, но не вмешивались. Там бой идет, связи нет, армия позади, командующий позади. Приказываю: развернуться и идти назад, – сказал Данин. Он знал свой приказ.

– Есть, – почему-то за всех ответил штабс-капитан Хлопов. – Правильно. Оружие к бою и быстрым маршем вперед.

– Точнее, назад. А мне кажется, Смирнитский прав, – вдруг сказал Веселаго. – Сергей Петрович, может, не всем батальоном пойдем, а разведку отправим – один-два взвода?

– Семен Иванович, вы знаете: я всегда к вам с уважением отношусь и, по-видимому, соглашусь с вами и на этот раз. Кого пошлем?

– Сергей Петрович, прошу – пошлите моих, – продолжил капитан Веселаго. – Вот под командованием подпоручика Тухачевского и пошлите.

– А почему это ваших, Семен Иванович? Давайте так: взвод от роты штабс-капитана Веселаго и взвод из моей роты, под командованием... подпоручика Смирнитского, –

предложил Хлопов.

– Прекратите, господа офицеры. Точно – что подчиненные, что командиры. Не стоит сейчас выяснять, кто лучше, – остановил спор капитан Данин. – Пусть идут два взвода роты штабс-капитана Веселаго под командованием подпоручика Тухачевского. И аккуратно, подпоручик, где перебежками, где ползком. А для осторожного или осмотрительного подпоручика Смирнитского тоже дело найдется: штабс-капитан Хлопов, выделите под начало подпоручика взвод, и пусть он займет вон тот лесок, – Данин показал вперед рукой, – и если там немцы – выбить. Всех лошадей передать Смирнитскому, ему нужна скорость. Всем остальным занять оборону. Солдатам лечь на землю, а то в этом голом поле являемся для противника прекрасной мишенью. Жаль, лопат нет – хотя бы окопались. Пусть штыками роют. Подпоручик Тухачевский, в бой старайтесь не вступать, мне нужно знать, что происходит.

Шестьдесят рослых гвардейцев под командованием Тухачевского перебежками, ползком за час добрались до мечущихся, не понимающих, что делается, передовых частей армии и увидели месиво из мертвых русских солдат, стоны раненых и страх в глазах оставшихся в живых. Солдаты, не слыша команд, бегали под пулеметным и артиллерийским огнем, ложились на землю и прижимались к ней, готовые, как черви, зарыться в нее. А куда спрячешься – ни окопов, ни оврагов, ровненькая земля с цветочками да кустиками.

И умирали глупо, даже не видя врага в лицо. Паника, неразбериха и страх – вот что увидел Тухачевский. Михаил, под огнем, смело встал и крикнул:

– Офицеров прошу подойти ко мне, – стали подползать прапорщики, поручики и один капитан. – Господа, для паники нет места, прикажите своим солдатам взять оружие, раненых и двигаться туда, вперед, вон к тому лесу, там наш батальон. Гвардейцы будут отходить последними.

– Что это вы себе позволяете, подпоручик? Наверное, только из училища, а туда же – командовать? Здесь я командую! Это корпус генерала Благовещенского, вот он и может нам приказывать. Это я могу вам приказать. Понятно? И мы не трусливые зайцы, чтобы драпать при виде противника.

– А я и не предлагаю драпать, господин капитан, я предлагаю отойти вон к тому лесу. Там находится наш батальон лейб-гвардии Семеновского полка. Прикажите сами. А насчет противника – я что-то его не вижу. Вы лучше меня должны понимать: останетесь здесь – всех перебьют артиллерией.

– А-а-а, лейб-гвардия, «паркетники»! Ни за что русский офицер не прикажет солдатам отступить. Пусть лучше славная смерть на поле боя, чем... – капитан договорить не успел – позади него разорвался снаряд и капитан, уже мертвый, упал и придавил Тухачевского к земле. Тухачевскому помогли выбраться из-под убитого, и он, отряхивая землю, вдруг засмеялся и весело спросил:

– Ну что, господа офицеры, здесь остаетесь или пойдете к нашему батальону?

Гвардия – не просто элитные части, но и очень хорошо обученные для войны офицеры и солдаты. На службу в гвардию подбирают молодых парней по всей стране и по особым меркам: чтобы русские, рослые, здоровые, грамотные, выносливые, – штучно подбирают. И готовят их к войне не просто «коли-руби», а чтобы умели отлично стрелять из винтовок и пулеметов, бросать только появившиеся на вооружении гранаты, ходить в атаки и быстро и беспрекословно выполнять приказы своих командиров.

Где словом, а где и оплеухой пехотные офицеры с помощью гвардейцев приводили в чувство ошалевших от страха солдат. Приказывали: «Бери раненых, оружие и ползком отходите вон туда...» И поле вдруг задвигалось – солдатам что надо: четкий и ясный приказ, и они, не бросая винтовок, таща на себе раненых товарищей, поползли от этих, им уже казавшихся открытыми ворот ада туда, вперед, и были необычайно счастливы от того, что им приказывают, и понимали, что, выполняя этот приказ, они отдаляются от грома выстрелов и взрывов, от своей, минуту назад казавшейся неминуемой смерти. Сотни солдат, как гусеницы, ползли по полю, и это коричневое поле вдруг, как море, заходило зелеными волнами.

Немцы заметили непонятное для них движение русских слишком поздно – они считали, что на этом участке армия

Самсонова уже разбита, а оставшиеся в живых солдаты деморализованы и, когда окружение будет полностью закончено, без сопротивления, легко сдадутся в плен. Ну а кто не сдастся... Для немцев главным было расчленив армию Самсонова на части и эту отсеченную часть окружить и уничтожить. В сжимающемся полукольце в страхе бегали и умирали десятки тысяч русских солдат. И если какая-то сотня-другая этих солдат вырвется и убежит, то куда они денутся – побегают и сами сдадутся через день-два.

Потеряв под артиллерийским огнем несколько нижних чинов, Тухачевский со своими гвардейцами вывел к батальону двести живых боеспособных офицеров и солдат из других полков и сотню раненых; вынесли на плечах – носилок не было.

Тухачевский с веселой улыбкой стал докладывать капитану Данину:

– Господин капитан, там месиво, полная неразбериха, хаос и паника. Немцы просто размазывает армию из орудий. Никто ничего не знает. Поговорите с офицерами, вышедшими с нами, они вам расскажут, что там происходит. Смирнитский оказался прав: нам необходимо как можно быстрее идти вперед, пока нас тоже не перебили артиллерией.

– А чему вы так улыбаетесь, подпоручик?

– Радости боя!

– Ну-ну. Молодец, подпоручик Тухачевский. Отходим, – приказал капитан Данин. – Вон к тому лесу. У Смирнитско-

го там какая-то тишина – неужели немцев нет? Отход прикрывает рота штабс-капитана Веселаго. Раненых и оружие не бросать. Присоединившихся к нам офицеров и солдат временно подчиняю штабс-капитану Хлопову. Я думаю, господа офицеры не будут возражать? Знакомиться будем в лесу. Все, выступаем...

Глеб Смирнитский со своим взводом на лошадях столь стремительно ворвался в лес, что находившиеся там немцы даже не поняли, что скачущие на них рослые солдаты – русские, и продолжали спокойно играть в карты и курить сигареты, а когда сообразили, что это противник, то уже было поздно и они стали быстро поднимать руки вверх. «Сдающихся в плен не убивать!» – успел крикнуть Глеб и, подскочив к стоявшему с разинутым от удивления ртом фельдфебелю, погрозил ему подаренным Тухачевским браунингом – про висевшую на боку шашку Глеб забыл. Немец сразу сообразил, что надо делать, залепетал о матери и детях и высоко вытянул кверху ладони. Без единого выстрела небольшой лесок был занят. Удивило, что даже патронные ленты не были вставлены в пулеметы. Глеб, приказав связать пленных и занять оборону, поскакал обратно к командиру батальона Данину.

XV

Августу Макензену доложили, что русские – батальон, не меньше – стараются вырваться из окружения. Макензен разозлился: как, почему, кто позволил? Но переносить огонь орудий с зажатых с флангов корпусов русской армии не захотел. Он вызвал получившего за взятие Льежа сразу звание капитана и теперь командующего батальоном гренадер сына Гинденбурга Оскара и приказал ему перебить русских.

– Оскар, ни один русский не должен уйти от смерти на этом поле нашей великой славы. Иди и перебей их. Можешь пленных не брать! – в приказе Макензена уже слышались гордые нотки голоса будущего знаменитого генерал-фельдмаршала. – И, кстати, возьми эти две железяки – бронеевтомобили, пора испытать их в бою. Русским оружием – и по русским. Отлично! Вперед, Оскар! Твой великий отец смотрит на тебя и восхищается тобой. Я приготовил для тебя погоны майора, возвращайся с победой, – а сам испугался и подумал: «Может, не посылать? Если он погибнет, Гинденбург меня расстреляет. Но он же сам приказал направлять его сына в пекло... А тут какое пекло – добить бегущих русских? Пусть идет. Зато потом отпишу отцу, как он славно воевал, – смотришь, и мне что-нибудь перепадет от такой славы».

Немцы не ожидали сопротивления: шли в полный рост, страшась и сторонясь едущих рядом с ними двух гремящих,

закрытых металлическими листами автомобилей с торчащими стволами пулеметов из башен, и натолкнулись на прикрывающую отход батальона роту штабс-капитана Веселаго.

Не зря же в русской армии тоже появились перед самой войной гранаты: пусть неудобные, большие, тяжелые, но оказалось, что против этого, прижавшего солдат к земле пулеметным огнем немецкого оружия они оказались необычайно эффективными. Первый, вырвавшийся вперед броневик подорвал Тухачевский: изловчился, подполз и бросил гранату – та упала под передние колеса, взорвалась, и автомобиль, громяхая металлическими листами, перевернулся набок. Немцы залегли и стали стрелять из винтовок; второй броневик отъехал назад, за цепи немцев, и по залегшим гвардейцам из него понеслись пулеметные очереди. В бронеевтомобиле сидел капитан Оскар Гинденбург и с удовольствием давил на гашетку пулемета. И все больше и больше раненых и убитых от этого прикрытого броней огня было в роте Веселаго.

Батальон уходил к лесу, а сзади слышалась винтовочная и пулеметная стрельба, и все понимали – там насмерть дерется рота Веселаго. Штабс-капитан Хлопов злился и громко требовал от командира батальона остановиться и вернуться на помощь своим товарищам. Данин был непреклонен, требуя отходить к лесу, пока перед ним не возник на лошади, весь в пыли, Смирнитский.

– Господин капитан, немцы, находившиеся в лесу, взяты в плен, лес свободен, потерь нет, солдаты занимают оборону,

захвачены два пулемета.

– Молодец, подпоручик, – и, повернувшись к Хлопову, Данин приказал: – Ну вот, сейчас идите и помогите штабс-капитану Веселаго.

– Я предлагаю, господин капитан, – заикаясь от волнения, проговорил Хлопов, – обойти немцев, зайти им в тыл и попытаться уничтожить.

– Хорошо, господин штабс-капитан, действуйте.

– Пойдемте, подпоручик Смирнитский, пора выручать вашего друга Тухачевского. Рота, слушай мою команду! – крикнул Хлопов.

Так уж повелось в русской армии: самым храбрым доверяют прикрывать отход своих боевых товарищей. Пусть ценой своей жизни. От солдат роты Веселаго зависела жизнь батальона. Развернувшись овалом, в две цепи, ошестинившись винтовками, сберегая патроны, эти сто солдат отбивали одну за другой атаки немцев. Иногда идущих в атаку немцев встречали штыками. Русский штык был превосходным. Гвардейцы падали – вставали, стреляли и отходили. Еще и раненых за собой тащили. Но этот второй броневедомитель! Как кучно и прицельно он бьет – головы не поднять. А уж чтобы из винтовки достать... Немцы, легко потеряв первый броневедомитель, второй берегли и на бросок гранаты русских не подпускали. Те пробовали и погибали. А немцы под прикрытием огня пулеметов из круглой железной башни броневедомителя все ближе и ближе подходили к залегшим гвардейцам – уже

вытащили гранаты и схватились за запальные шнуры. Граната у немцев на длинной ручке, легче русской и бросается далеко. Еще чуть-чуть – и хватит, чтобы забросать русских этим новым смертельным оружием. Удивляло немцев только то, что противник был удивительно спокоен; казалось, он никуда не спешил: стрелял – отходил, стрелял – отходил. Русские не кричали, не ругались матом, они, как на учениях, почти механически выполняли самую трудную и самую нужную солдатскую работу – воевали, и в этом спокойствии чувствовалась такое мужество, такое единство, что казалось, нет силы, которая заставит их побежать в панике.

Повезло Тухачевскому, что ранило легко и в руку. А должно было в грудь и насмерть!

И откуда только выскочили немцы? Рядом. В пылу боя не заметили, как они близко подобрались, – бросили гранаты и, когда те взорвались, бросились на оглушенных и раненых гвардейцев, стреляя в упор. Тухачевский, засыпанный землей, вскочил, оглушенный, двоих убил из нагана, схватил лежащую на земле винтовку, вскинул на бегущего немца и только услышал щелчок; дернул затвор – патронов не было. «Все! – быстро подумал. – Смерть!» Вздохнул и увидел, как немец свою винтовку поднимает и, прижав приклад, целится в грудь. Неслось в голове: «Чего целиться с десяти-то шагов? Не Пушкин же!» Немец выстрелил. Руку обожгло, а немец упал. И вместо него вдруг возник Глеб Смирнитский!

– Хороший пистолет ты мне подарил, – захрипел подско-

чивший Смирнитский. – Жаль, последний патрон. Ранен? Дай перевяжу.

– Пустяки. Потом. Спасибо, Глеб! Ты мне жизнь спас! А ты здесь откуда?

– Так вас выручаем. А то вы немцев всех перебьете и нам никого не оставите или, не дай бог, погибнете героями всем на зависть. А насчет спасенной жизни – брось, для чего же ты мне такую прелесть-то подарил, чтобы я не проверил, какой он в бою? – удивительно спокойно, посмеиваясь, прокричал, наклоняясь к уху Тухачевского, Смирнитский. Сунул браунинг в кобуру и добавил: – Отходим, Миша.

Больше немцы в атаку не шли. Некому. Зашедшие им с тыла гвардейцы Хлопова в штыковой атаке их разметали. Остатки побежали. Быстрее всех с поля боя, подсакивая всей машиной, гремя железом, убежал с поля боя броневеомобиль с Оскаром Гинденбургом. Убить врага – да, немцы были готовы, а самим умирать не хотелось. Особенно когда русские так дерутся. Вот если бы артиллерию в помощь – тогда да! Немцы своих солдат стараются беречь! Понимают – не бесконечные. Не русские, те... у-у... Правда, Оскар Гинденбург солдат не берег, но свою жизнь терять не хотел. Когда он, весь пыльный, пропахший сгоревшим порохом, появился перед Макензенем, тот радостно, оттого что капитан жив, воскликнул:

– Как дела, Оскар? Где русские?

– Нет русских – почти всех перебили, может, десяток-дру-

гой выскользнул, а так почти два батальона уничтожили.

– А сам сколько потерял?

– Почти всех. Герои! Хорошо, что у нас бронев автомобили были. Но один сразу подорвали гранатой.

– Молодец, Оскар! Я сейчас же доложу главнокомандующему о твоём героизме. Забирай погоны майора – они твои по праву. У меня командира полка убило: пушка разорвалась – ему голову и оторвало; иди, принимай полк. Я думаю, твой отец не будет возражать, что я тебе, майору, полк доверю. Заслужил. И быстрее до полковника дослужишься. Иди, добивай русских! Героям слава, мертвым память!

XVI

Батальон вошел в лес. У гвардейцев погибли два взвода, и полсотни солдат были ранены. Двести офицеров и солдат из других полков были организованы в одну временную роту. Огонь разводить запретили. Но солдатам было не до огня и еды – они, смертельно усталые, лежали на земле и спали. Тяжелее всех было раненым, но для них собрали всю воду, все бинты и выделили санитарями солдат, умеющих делать перевязки и ухаживать за ранеными. Срочно делали самодельные носилки из срубленных жердей и шинелей.

А сзади, до горизонта, слышалась непрерывная артиллерийская канонада и пулеметно-винтовочные выстрелы, вздымалась земля, и с этой землей взлетали человеческие тела, оторванные руки и ноги, по полю металась обезумевшие лошади, а сотни, тысячи русских солдат набивались в образовавшиеся от взрывов снарядов воронки в надежде, что «снаряд не попадает дважды в одно место», и лежали в них, плотно прижавшись – вместе мертвые и живые, надеясь спастись от несущегося с неба смертельного огня. И если снаряд попадал в такую воронку, то сразу всех и хоронил в этой братской могиле. А оставшиеся в живых, обезумевшие, уже не боялись и спокойно ходили по полю боя, наклонялись и с детской наивностью рассматривали убитых, радуясь, как радуются малые дети игрушкам, увиденному оружию, кускам

одежды, оторванным рукам и ногам...

И генерал Благовещенский – наверно, такой же обезумевший – бросил свой корпус и успел убежать в тыл! Один! Этот генерал об офицерской чести, наверно, не думал. Да и о своих солдатах тоже.

Полукольцо сжималось, вытесняя русских вперед, к возможному спасению, а все стремились вырваться и бежали назад, к границе, где их расстреливали немецкие пушки и пулеметы.

Александр Васильевич Самсонов от позора застрелился. Честь – никому!

Заместитель командующего армией генерал Клюев после смерти Самсонова подергался-подергался и, построив в три колонны один из корпусов, под шквальным огнем повел его из окружения, но, положив убитыми несколько тысяч солдат, приказал сдаваться! Всем! Генерал тоже, наверно, честь свою никому не отдал...

Немцы добивали 2-ю армию! Так бесславно Россия вступила в Отечественную войну. Вторую.

XVI

Второй день батальон капитана Данина вместе с вырвавшимися из окружения солдатами других полков медленно отползал обратно к польско-германской границе. Могли бы и быстро пройти, но движению мешало большое количество раненых. Шли по всем правилам войны: с привалами, впереди – разведка. Неунывающий, казалось, не устающий Михаил Тухачевский, с разрешения командира батальона собрав вокруг себя три десятка таких же шальных солдат и унтер-офицеров, уходил в разведку – рыскал на лошадях впереди, натыкался на немцев, вступал в стычки, огрызался и отходил. Так на ощупь и шли.

А слева все грохотало – немцы уничтожали русскую армию. Окопная-то война еще не началась. Шли побеждать! Какие там лопаты...

Глеб Смирнитский забылся коротким сном. Ему, как всем, во время этих коротких привалов хотелось только одного – уснуть. Еще тогда, после первого боя в лесу, он не испытал ни чувства страха, ни упоения от победы, ни жалости или ненависти к противнику. Он восхитился только одним – что он жив! Он с первой минуты этой войны стал выполнять свой долг офицера, делать все так, как его учили много лет в лучших военных школах России. Ему не снились ни убитые солдаты, ни стоны и крики умирающих, ни люди в серой

военной форме, в которых он стрелял и которые либо молча умирали, либо с криком падали и корчились в нестерпимых муках предсмертной агонии. У Глеба не было ненависти к врагу – он был военным человеком. Ему было жалко только своих, русских солдат, и не потому, что они погибали, а что они так бездарно погибали, не принеся пользы своей отчизне и своим боевым товарищам. Может быть, в нем просыпалась тысячелетняя кровь его предков-воинов, и он старался воевать умело и без страха, без мысли «убьют – не убьют» – он был слишком молод, чтобы думать об этом. Он не шептал молитв и не просил Бога защитить его; он старался убить врага, враг старался убить его. В нем постепенно, по крупинкам, по капельке крови выковывался офицер. Русский офицер...

Странный Глебу снился сон – как в немом кино, что показывали в кинотеатре «Арс» на Архиерейской улице Петербурга. Бой идет: взрывы снарядов, люди почему-то с саблями бросаются друг на друга, кричат безмолвно, колют и рубят, падают, и над полем боя самое современное оружие – аэроплан кружит. А в середине поля большой шатер, какие ставит летом на Московской стороне цирк «Шапито». Глеб входит в шатер – и правда цирк: звери бегают по кругу, размалеванные клоуны плачут, акробаты кольца крутят, сальто вращают, и над всеми, высоко под куполом, на трапеции, девушка, красивая, стройная, с короткой прической каштановых волос и голубыми глазами. Зрители в ладоши хлопают.

Глеб им кричит: «Что вы делаете? Уходите скорей, бой идет. Война!» А они как будто не слышат: клоуны продолжают смешить публику, которая от удовольствия смеется и утирает радостные слезы. Девушка на трапеции призывно машет Глебу рукой, трапеция опускается ниже, и она вдруг кричит ему: «Уходите! Вправо!»

Глеб проснулся, как от толчка. Голова болела. Подумал: «К чему бы это? Надо уходить вправо? Пойти и сказать штабс-капитану Хлопову? Засмеет, скажет: сон вещий видел? И все равно надо сказать. Верно – не на учениях. Война».

Смирнитский подошел к отдохавшему Хлопову.

– Господин штабс-капитан, разрешите обратиться с предложением?

– Я вас слушаю, господин подпоручик. Только быстро, сейчас выходим.

– Надо уходить вправо.

– Почему?

– Не знаю – надо.

– Приснилось, что ли? Так вы, подпоручик, сны-то из головы выбросьте – война. Тухачевский из разведки вернулся – чисто впереди.

– Надо уходить вправо, господин штабс-капитан.

– Вот заладил, подпоручик. Голову напекло?

– Не знаю почему, но надо уходить вправо, господин штабс-капитан.

– Заладил. Оставайтесь здесь, я к Сергею Петровичу.

Хлопов ушел, а к удрученно стоявшему Глебу подошел быстрый Тухачевский.

– Глеб, еще верст десять – и выйдем к своим.

– Ты прав, Михаил, только надо идти правее.

– Брось, я только что со своими орлами впереди на три версты все обшарил – никого. Мы и так крюк большой делаем, немец-то далековато слева остается. Слышно же по канонаде.

– Не знаю, Миша, почему, но надо.

– Там правее болото.

– Вот вдоль болота и пройти.

– Да ну тебя. У нас же раненые. Все, я пошел в свою роту.

Вернулся штабс-капитан Хлопов.

– Ох, уж вы, подпоручик... Сергей Петрович вам поверил. Решено вновь в разведку послать отряд Тухачевского – еще раз проверить. А раненых вести вот тем правым лесочком, вдоль болот. С ними пойдете вы, господин подпоручик. И чтобы больше ничего не приснилось... Не возражать – это приказ.

Две сотни раненых и солдат, несущих носилки, уставшие, с провалившимися серыми, грязными лицами, с оружием, стали уходить вправо к болотам и скрылись в кустарниках. Вместо бинтов – окровавленные оторванные куски нательных рубах. Хорошо, что мелкие ручьи по пути – есть не хотелось, смертельно хотелось пить.

Пройдя всего две версты, отряд Тухачевского наткнулся на один из полков генерала Белова, который как будто ждал русских. Он в клочья разметал отряд, уничтожая пулеметным огнем. Тухачевского еще раз ранило, но опять, слава богу, легко – в другую руку. От немцев, отстреливаясь, оторвались не более десятка солдат. Остальные остались умирать на поле боя. Немцы преследовать не стали – вновь продолжили выполнять приказ Гинденбурга: уничтожать армию Самсонова.

Еще через день, крадучись, с разведкой, вдоль болот, с небольшими стычками и перестрелками батальон лейб-гвардии Семеновского полка вышел из окружения, потеряв убитыми около сотни солдат и офицеров. Грустно вышел, без горнов и фанфар. Из Восточной Пруссии обратно в Польшу.

Но эти-то хоть вышли и живые. А на полях под Танненбергом забелели косточки почти пятидесяти тысяч убитых русских солдат, да в два раза больше попало в плен!

Всего-то понадобилось пятьсот лет, чтобы Гинденбург отомстил за позор поражения немцев при Грюнвальде! Русским!

Пауль фон Гинденбург на радостях не праздновал победу, он уже кричал Макензену:

– Август, какого черта ты там топчешься, ты свою славу уже заработал, пусть Отто добивает русских, а ты быстро разворачивайся на Ренненкампфа. Я приказываю! И только попробуй послушаться. Не забывай – ты такой же старик, как

я! Если что – сразу на пенсию! Ничего хорошего в ней нет. Это я тебе говорю – Гинденбург! Ты, я смотрю, моего оболтуса в полковники метишь? Не рано? Тащи его с собой на Ренненкампфа, и пусть дерется. Тогда я еще посмотрю, стоит ли его делать полковником. Вперед, Август! Богиня Славы уже распростерла над твоей головой свою руку. Не дай ей ошибиться!

Макензен, развернув корпуса и опять пройдя среди озер, вышел «спящему» Ренненкампфу во фланг. И еще восемьдесят тысяч солдат потеряла Россия убитыми и ранеными!

Какое прекрасное начало военной кампании! Кровавый и позорный 1904 год вновь замаячил перед страной!

А как здорово все начиналось! И как красиво шли! На Берлин!..

И оружие новое появилось, вдруг ставшее столь необходимым в этой войне, – лопата. И окопчик выкопать, и могилку, чтобы похоронить...

Хорошо говорить через сто лет, что Ренненкампф был трусом, а Самсонов глупцом, и в поражении в Восточной Пруссии в августе 1914 года обвинять только их. Вот, мол, Ренненкампф осторожничал, не двинулся вовремя вперед, после того как разбил передовые корпуса 8-й германской армии; не повернул на помощь к Самсонову, а тихонечко топтался на месте и вообще на Кенигсберг стал армию поворачивать. Мол, немец по крови, «фон», не стал драться против

немцев же. Да еще великий князь Николай Николаевич страдал сильной германофобией. А Самсонов вообще не был готов к атаке немцев! Не ожидал! И тем более никто не ожидал, что командующим у немцев поставят какого-то Пауля Гинденбурга.

Может быть, оно и так. Только и Павел Николаевич, и Александр Васильевич в точности исполняли приказ, отданный им в Ставке. И шли в соответствии с разработанным еще в 1912 году планом нападения на Пруссию – не один же Гинденбург над картами сидел. Ну на день-два задерживались с выполнением, так ведь Ренненкампф с боями шел – немцев при Гумбиннене разбил, да и армия под его началом была не немецкая – русская; виданное ли дело, чтобы все вовремя делалось. Да и сам Ренненкампф в бою под Гумбинненом потерял немало: почти семнадцать тысяч человек – больше, чем немцы. И именно после его победы немцы решили отступить за Вислу, и отступили бы, и пошли бы русские армии дальше, как хотели, через Познань на Берлин, выполняя директиву Ставки, если бы генерал от кавалерии Павел Николаевич Ренненкампф не к Кенигсбергу повернул, а, наоборот, навстречу Самсонову; кто бы его удержал – парочка немецких дивизий? Только куда же ему было сворачивать, если там были сплошные Мазурские озера, немцам известные, а русским почему-то нет? И чего его винить, если Мольтке-младший, увидев полную бездарность командующего 8-й армией Притвица, когда Ренненкампф его разбил,

поставил на армию... старика Гинденбурга.

Про Самсонова промолчим – в назидание потомкам: офицерам надо знать, как позор смывается! Тело генерала Самсонова там, на поле боя, немцы похоронили, но потом по просьбе русских вырыли и отдали. И увезли, и похоронили генерала от кавалерии, награжденного русскими императорами аж 13 орденами и золотым оружием, в родовой усыпальнице.

Свою-то честь он никому не отдал, а жизни простых русских мужиков?..

А Ренненкампфа надо хвалить хотя бы за то, что он на германском фронте первую и, наверное, единственную серьезную победу одержал в этой непонятной войне и потом, разжалованный, остался верен своей присяге, когда в восемнадцатом в Таганроге ему, старику, известный большевик Антонов-Овсеенко предложил служить в Красной армии, а он отказался. Честь – никому! Вот его, прежде чем расстрелять, и изуродовали штыками да глаза старику выкололи. За честь, за немецкую фамилию да за победу в августе четырнадцатого отомстили! Большевики – они же за поражение собственного народа с первого дня войны ратовали. А солдат за людей они никогда не считали! Впрочем, для них никакого собственного, русского народа не было! Одни пролетарии.

XVII

Выход из окружения батальона лейб-гвардии Семеновского полка да с такими, как всем казалось, небольшими потерями, вызвал восторг, временно затмив в полку горечь первых поражений в войне. Гвардейцев батальона капитана Данина встречали как героев. Но в штабе фронта зашумели: «Так они же с поля боя ползком убежали! Может, еще и наградить их?» Но громко высказываться побоялись – все-таки гвардия, да и не свалишь же на эту горстку солдат гибель армии Самсонова, а к гибели армии Ренненкампаффа они вообще никакого отношения не имели. И свои шкуры спасать надо было. Великий князь, Верховный главнокомандующий, узнав о выходе из окружения гвардейцев, да еще и со спасенными солдатами других полков, лично приказал: «Наградить!» Были награждены все: младшие чины – солдатскими «Георгиями», офицеры – орденами.

Глеба Смирнитского наградили заимствованным у поляков еще императором Николаем I самым польским орденом – орденом Святого Станислава 3-й степени с мечами. Михаил Тухачевский получил Анну 4-й степени и стал героем в Семеновском полку – у него, единственного из всех молодых офицеров, появилась уникальная награда – шашка с эфесом, украшенным орденом крестом и красным темляком. «Клюква» бросалась в глаза сразу, издалека и вызы-

вала дикую зависть у всех, кто ее видел, да еще и сам Тухачевский, с подвязанной черной косынкой раненой правой рукой, старательно придерживал шашку при ходьбе, чтобы было видно и темляк, и крест, а если приглядеться, то и надпись «За храбрость». Про его бесстрашие говорили с восхищением во всех ротях, и это восхищение с присказками перекатывалось в другие полки.

От лечения в госпитале Тухачевский отказался.

Вручал награды командир полка Иван Севастьянович фон Эттер – Тухачевскому и Смирнитскому с какой-то особой нескрываемой радостью:

– Вы, господа подпоручики, с первого дня своего появления в полку как-то сразу мне понравились. Я верю в ваше большое будущее. И уж больно вы прыткий, подпоручик Тухачевский. Так пойдет – быть вам вскоре генералом! Нам всем на удивление. Благодарю вас обоих за такую примерную службу его величеству!

Молодые офицеры в парадных мундирах лейб-гвардии Семеновского полка, смущенные, красивые, вытянулись и поблагодарили его превосходительство, а потом пошли тратить полученные за ордена деньги – почти все и потратили на шампанское для своих боевых товарищей. На армию действующий с первого дня войны сухой закон не распространялся. Начальство на пьянку в полку закрыло глаза; в других полках тоже пили, но водку и не чокаясь – поминали погибших.

Батальон предложено было отвести на отдых, но нижние и офицерские чины возмутились – весь остальной полк бросали в Галицию, где Генеральный штаб захотел отомстить австрийцам за свое поражение немцам в Восточной Пруссии, – а их в тыл?

Данин обратился к командиру полка фон Эттеру и стал громко возмущаться в его кабинете – знал, что его превосходительство любит музыку и не переносит шума, – и добился, чтобы отдых отложили. Батальон спешно помылся, постирался, перевязался, кто смог, чтобы в госпиталь не идти, раны от начальства и медиков скрыл и, выпив по чарке водки, в бой – шампанское в сторону, пошел догонять свой полк в Галицию, к местечку Таранавки...

Архип Ферапонтов, излечившийся от непонятной болезни живота, старательно угождал Тухачевскому: «Что изволите, ваше благородие? Все будет исполнено, ваше благородие...» Боялся, что в бой пошлют или из армии выкинут?!

Еще не наступило время, когда из армии солдаты побежали толпами.

XVII

Только-только назначенный командующим 4-й армией генерал-лейтенант Алексей Ермолаевич Эверт был военным с ранней юности. Окончив Московский кадетский корпус и московское же Александровское военное училище, всю жизнь служил в армии. Вырос от подпоручика до генерала, воевал и отличился храбростью в русско-японскую. Вот и в Галиции, командуя с августа 14-го уже армией, за спины других не прятался, старался быть вместе со своим штабом ближе к полкам, переходящим границу с Австро-Венгрией. Но когда пришел приказ о присоединении к его армии лейб-гвардии Семеновского полка, не особо и обрадовался – императорский полк, элита, не дай-то бог положить в бою – погоны вырвут с корнем. И оставил полк в тылу, подальше, как считал, от передовой, от боя.

Не знал генерал Эверт только того, что немцы на помощь к австриякам пошли, после того как разбили армии Самсонова и Ренненкампфа. Да не просто шли – поездом ехали! Время – вот, что ценил больше всего уже прославленный Гинденбург. Он вызвал в штаб Макензена и спросил:

– Август, ты знаешь, как русский царь Николай задавил восстание рабочих в Москве?

– А что, в Москве восстание?

– Я думал, ты умней. Я имею в виду – в тысяча девятьсот

пятом году.

– Наверное, попросил у кайзера Вильгельма наших гренадеров и те быстренько и с удовольствием расправились с русскими?

– Почти что так, – засмеялся Гинденбург. – Он отправил на подавление восстания лучший свой полк – гвардию... поездом.

– И?! К чему вы это, ваше превосходительство?

– Пока русские зализывают раны, ты тоже посадишь свои полки на поезда и поедешь в Галицию, спасти австрийцев, потому что, если мы их не спасем, русские ударят нам во фланг, а защититься нам нечем. На Западе все топчутся и никак не могут взять Париж. Выгрузишься здесь, – Гинденбург ткнул толстым пальцем в точку на карте. – В городке Таранавки. Там будет наступать 4-я армия их нового командующего Эверта. Сведения точные, получены из штаба русского Юго-Западного фронта. Этот Эверт – генерал боевой, но хочет выслужиться, вот и, как Самсонов, побежит вперед, а ты по нему ударишь с фланга, и бей насмерть! Устрой им второй Танненберг. Иди, Август, и всегда помни не о наградах, а о... пенсии. И моего оболтуса, которого ты уже командиром полка назначил, отправь в бой. Рановато для майора. Пусть зарабатывает славу!

– Понятно! – сказал Макензен, еще раз удивившись прозорливости командующего армией – одной на весь немецкий Восточный фронт! Он же не знал, что такой вариант разви-

тия событий Гинденбург давно просчитал...

Немцы спешно и скрытно погрузили войска на поезда, и те, проехав по тылам двух фронтов, выгрузились с железнодорожных платформ прямо в поле и с ходу, расчехлив легкие орудия и спустив по доскам лошадей, пошли крушить 4-ю армию, да не в лоб, а, как и по армии Самсонова, во фланги ударили. И попятились, а где и побежали русские батальоны и полки. Ждали-то австрияков, бахвалились: «Шапками закидаем! Австрияки – не вояки!» А тут немец, который не просто умеет воевать, а окрылен своими победами над русскими, трепещет от радости перед новым боем и готов выполнить любой приказ ради этой новой победы.

Местечко, где выгружались германские полки, имело красивое название Таранавки! И стало бы оно вторым Танненбергом, когда с криками: «Братцы!.. Опять предали!.. Отходим!.. Сволочи, подставили под германца!.. А-а-а, где же моя рученька?.. Ой, ногу у Васьки оторвало... Санитары... Разбегайся, братцы!.. Убивают!.. О, господи!.. Мамочка... Немец-то, вот он... Ой, штыки-то у них какие?.. Как ножи!.. Смерть наша наступает...» – побежала русская пехота, еще толком и не видя самого врага, только почувствовав, как трясется и поднимается земля от взрывов и падают мертвыми свои же товарищи; и в этой панике уже не слыша приказов командиров – умирать-то никто не хочет: русский ли, немец ли – какая разница, бежали, бросали оружие, топтали друг

друга, раненым не помогали, хватались за хвосты одиноких лошадей, только бы успеть убежать от этого надвигающегося на сердце страха... И наткнулись на стоявших в их тылу гвардейцев-семеновцев; те стали бегущим тумачи раздавать, пинков надавали, даже смеялись: «Куда ж вы? Штаны-то, штаны не забудь постирать...» Потом плюнули и стали спокойно штыки к винтовкам привинчивать. А по полку уже команда бежит: «Приготовиться к атаке. Первый и второй батальоны шагом ма-арш!» И пошли! Как на плацу – не кланяясь. Командиры взводов слева от ровных солдатских рядов, командиры рот впереди, с вынутыми из ножен шашками. Блеск солнечный на кончиках штыков. И русское «Ура!» зазвучало над полем боя.

Роты штабс-капитанов Веселаго и Хлопова рядом. Красиво! И немец шел. Лоб в лоб – атака! Только не знал немец, что перед ним лейб-гвардия – Петра Великого полк, что двести лет назад, еще под Нарвой, с лучшей армией Европы, шведами, дрался и почти весь погиб, но не отошел!

Глеб Смирнитский не боялся и не дрожал; как в тумане, стрелял в немцев из револьвера, а когда барабан круг сделал, сунул машинально в кобуру и схватился за подарок Тухачевского – браунинг и все девять пуль во врагов и всадил. Патроны кончились – за солдатскую винтовку взялся и в штыковую атаку пошел. А справа штыком воюет, весь в крови, Михаил Тухачевский. Шашки наградные не доставали – они так, для красоты.

Немец такой атаки не ожидал, дрогнул и побежал, семенили с «Ура!» – вслед, кого догоняли – брали в плен, кто не сдавался, кололи штыками. Полки генерала Эверта, то ли видя бесстрашие гвардейцев, то ли устыдившись своего бегства, уже не ожидая приказов своих командиров, развернулись и вслед за гвардейцами побежали на поле боя. И тут уж над полем понеслась такая ругань и такой мат, с такой дикостью эти полчаса назад в страхе бежавшие с поля солдаты стали убивать немцев – в плен никого не брали – в злобе всех штыками, насмерть! Всю свою трусость на сдающихся в плен вымещали, и остановить никто не мог. Страх! Пока гвардейский подполковник Павел Эдуардович Телло не закричал дико:

– Да остановите же их! Гвардейцы, остановите их! Стреляйте, но только остановите! Боже мой, какой позор для русской армии!..

Гвардейцы расстреливать русскую пехоту не стали – они стали их бить: ломать челюсти и выбивать зубы. А вот офицеры начали стрелять. Тухачевский стрелял. Смирнитский – нет. Но это было ужасающе: сотни немецких солдат корчились в предсмертных судорогах от ударов штыками – сотни, которые сдавались в плен. Над полем стояли плач, стоны и смертельный вой. И еще один вой – моторов – несся с неба. Это штабс-капитан Петр Нестеров на своем маленьком самолетике гнался за большим «Альбатросом», управляемым какими-то знаменитыми австрийскими баронами, и, догнав

его, протаранил... Впервые в мире! Самолет с баронами рухнул на землю. На землю упал и самолет с погибшим во время тарана русским летчиком-героем. К выпавшему из обломков самолета телу мертвого летчика тут же подскочили русские солдаты, которые минуту назад убивали и грабили убитых немцев, и стали сдирать с Нестерова кожаную куртку, шлем, очки, сорвали награды и вытащили кошелек – все пригодится в хозяйстве. С трудом потом узнали в лежащем в одних кальсонах труп великого пилота России.

Таранавки – поле славы русского оружия!

Живыми из боя вышли Глеб с Михаилом. Оба в крови – не в своей, во вражеской.

– Ну вот и закончился твой подарок, Михаил, – грустно сказал Глеб, показывая браунинг.

– А это на что? – Тухачевский вытащил из-за пазухи два пистолета и обоймы.

– Откуда?

– Так мой денщик Архип по офицерам немецким прошелся, когда убитых и раненых собирали. Он еще и гранаты немецкие прихватил, да я не взял – не наше это, не офицерское оружие; солдатам приказал отдать. Хотя под Танненбергом не граната бы – нас бы всех положили из бронеавтомобиля.

– Мне второй пистолет не нужен, а вот обойму возьму.

– Бери. Уж больно хорошо ты с моим подарком обращаешься.

Не знал только Тухачевский, что не ради пистолетов и гранат ползал по полю боя его денщик, а чтобы поживиться, по карманам убитых немецких офицеров пройтись: у кого часы да портсигар, у кого цепочку с шеи сдернет, кольцо на пальце увидит – вжик ножом; и отсутствие пальцев на правой руке не мешало – лихо орудовал. Веселый малый быстро сообразил, что война для него – доходное место, в бой не лез, после боя появлялся. А Тухачевский-то думал, что он для него старается.

Исход боя был решен атакой русской лейб-гвардии.

– Хлопова ранило в ногу, унесли, – сказал Глеб.

– А Семен Иванович цел и невредим, ни одной царапины. Смеется: заговоренный, мол, с японской, там всю кровь оставил.

– Ты видел, что эти трусы-то устроили? Сволочи! Пока стрелять не начали – поубивали бы всех пленных.

– А у трусов, по-видимому, всегда так: убей того, кто тебя трусом сделал или кто видел, что ты трус. Позорище! Подожди, увидишь – наградят. За трусость и зверство.

– А как без этого. Первая победа.

– Дай бог, чтобы не последняя.

– Миша, я видел, ты в этих солдат стрелял.

– Да. И не жалею. Это уже не солдаты, не русские солдаты, это обезумевшая от страха и злобы толпа.

– И все же они русские. Как легко оказалось, что русские могут убивать друг друга.

– Брось Глеб. Это война. И это армия. Пойдем, пойдем, пора смыть с себя всю эту кровь.

Два офицера шли, и усталость от боя еще не пришла в их молодые тела, и их сердца быстро успокоились и уже спокойно стучали, и они разговаривали как-то обыденно, как будто шли с полевых учений где-нибудь в России и увиденное, страшное, может, и тронуло душу, но сразу забылось – сами-то живы!

– Архип, – на ходу, засмеявшись, крикнул Тухачевский идущему сзади денщику, – приготовь помыться и поесть.

– И выпить не забудь! – так же весело добавил Глеб. – Ты, Михаил, где этого дурня нашел?

– Неужели не помнишь? На станции под Брестом пьяный с расквашенной мордой плясал, а потом напросился в денщики?

– А-а, это тот, что с оторванными пальцами? Ох и намаешься ты с ним.

– А я его предупредил: чуть что – отправлю в атаку, первым!

– По-моему, он, если ты ему такое прикажешь, быстрее убежит от тебя... Впрочем, у меня не лучше: лентяй, каких свет не видел.

Повезло в этом бою еще одному офицеру, немецкому майору, командиру полка Оскару Гинденбургу. Его даже не ранило. Он, когда спускался с поезда, ногу подвернул, и его отвезли в госпиталь, а его полк почти весь погиб от русских

штыков. Майор, узнав, свечку поставил Богу и попросился в штабные офицеры. Макензен не возражал – хватит переживать: «убьют – не убьют?» Ему уже не нужен был сыночек великого Гинденбурга, он сам становился велик и перевел Оскара подальше от смерти – в штаб корпуса.

Главным героем боя под Таранавками стал Николай Ермалаевич Эверт – награды посыпались...

Любят их императорские величества армию, а лейб-гвардию особо – сами в ней полковниками состоят. Приказом Верховного главнокомандующего за проявленную храбрость в боях в Галиции Михаила Тухачевского представили к «Станиславу» 2-й степени с мечами и бантом, а Глеб Смирнитский получил «Анну» четвертой, и у него, как и у Тухачевского, появилась шашка с орденом на эфесе, красным темляком и надписью «За храбрость». Молодых офицеров, произвели в поручики и назначили на должности старших ротных заместителей – благо вакансии появились: гвардия шла в бой в первых рядах и погибала тоже первой. И отпуск предоставили на десять дней. Во время войны! Заслужили!

– Поедем, Глеб, со мной в Москву. Ты, я помню, не бывал в Москве. Да и договаривались же, – кричал радостно, узнав об отпуске, Тухачевский. – Поедем, Глеб?! – и стал обнимать друга, шепча на ухо: – В Москве сейчас так хорошо...

– Поедем, поедем, – ответил не менее радостный Глеб.

– Вот и отлично. И Москву посмотришь, и я тебя с родными познакомлю. Они тебя очень хотят увидеть – я им от-

писал, как ты мне жизнь спас.

– Полно, Михаил, как ты можешь? Мы же с тобой военные – люди присяги. Но только заедем к моим, в Варшаву. Ждут.

– Обязательно заедем. А потом сразу в Москву. Невесту тебе найдем! Не возражай!

– Москва! – мечтательно сказал Глеб. – Поехали, Михаил!

XVIII

В Варшаве слезы радости: Мария, тетка – плачет; Владислав, дядька – слезы утирает; девочки, Ядвига и Златка, вокруг панов офицеров скачут, таких красивых, таких мужественных, с орденами на необыкновенно красивой гвардейской форме.

Сентябрьские вечера в Польше теплые; сидели на веранде, чай с вареньем и наливочкой пили, а вопрос все крутился, да не задавался. Но на второй день, перед отъездом, Владислав Смирнитский с духом собрался и, улучив момент, когда женщины ушли в дом, спросил, заикаясь:

– Неужели... Варшаву отдадут?

– Вы о чем, дядюшка? – удивился Глеб.

– О Варшаве, племянник.

– Почему так грустно, пан Владислав? – тоже удивился Тухачевский. – Галиция наша, австрияки бегут, немец на два фронта долго воевать не сможет – выдохнется, да мы со своей стороны его придавим, и войне конец.

– Ну и дай-то Бог. А то все мои знакомые готовятся к приходу немцев. А я боюсь – что будет с моей семьей, если немцы придут?

– Не придут. Скорее, дядюшка, мы будем в Берлине... – успокаивал Глеб.

Михаилу Тухачевскому не сиделось, уже рвался домой, к

родным, да и Глебу передалось это желание друга – очень хотелось побывать в Москве, в древней русской столице, в которой он раньше не бывал, хотя и родина его матери. Да и когда еще выпадет такая удача, и выпадет ли? Война.

– Скажи, Глеб, – тихо спросил племянника перед отъездом Владислав Смирнитский, – ты хочешь навестить своих родственников в Москве? Я тебе дам адрес.

– Нет, – прозвучал короткий ответ. – У меня нет родных в Москве. Все мои родные живут здесь, в этом доме.

Дядя Владислав всплакнул на плече у Глеба. Дядюшка становился старым, и его очень пугала война и связанная с ней неизвестность. Поляки знали о страшных поражениях русских в первый месяц войны и готовились к приходу немцев, которых ненавидели. Владислав Смирнитский боялся вдвойне – его племянник был русским офицером.

Ехали, смотрели в окно и удивлялись – всего-то два месяца войны прошло, а какая разительная перемена: да, еще орали, пили и плясали на полустанках, но как-то невесело, с оглядкой, с опаской – что там ждет впереди? По деревянным настилам станций уже катались на деревянных ящичках с колесами безногие инвалиды, звеня одинокими медалями, размазывая пьяные слезы по грязным опухшим лицам и прося, как подаяния, на водку. А в глазах дикая боль и злость: «За что?» И бросалось, бросалось в глаза: страх на лицах людей появился!

В Москве на вокзале бравурная музыка, шум большого города, люди, снующие туда-сюда, и никаких нищих и инвалидов. А сам город – как в праздник: желтый и багряный лист на деревьях, маковки многочисленных церквей золотым огнем играют, мягкость говора, красота русских женщин, выпирающее богатство, восхищенные взгляды прохожих.

Как и в семье Глеба, у Михаила встречать сбежалась вся многочисленная родня: родители, братья, сестра. Стол был накрыт по-русски, по-московски: трещал от наливок и закусок. В магазинах старой столицы было все. Да и Михаил свои офицерские деньги почти все отправлял родителям. А ведь в лейб-гвардии служил, где расходы офицеров превышали денежное довольствие в несколько раз. Война! Не до праздников, да и на фронте платили больше, да новое звание, да награды... А здесь, в тылу, деньги ой как нужны. По Москве было видно, по магазинам и ценам...

Пришла Нина – невысокая, стройная, красивая девушка с толстой русой косой. Подала руку Глебу:

– Нина Гриневич.

Из-под длинных ресниц на Глеба посмотрели необыкновенной красоты большие зеленые глаза. Глеб залился краской. Нина рассказала, как она после лекций в университете помогает вместе с подругами в госпитале. Расплакалась:

– Раненых очень много. Много удаляется рук и ног. Так их жалко, этих простых солдат. Им прямо в палатах медали и кресты вручают и отправляют домой. А они, как начальство

уходит, ревут в голос, ругаются, просят пристрелить – куда они без рук, без ног, какой дом, как семью кормить? Потом напиваются. И где водку берут? И опять ревут и ругаются. Страшно все!.. Из госпиталя до вокзала их везут в закрытой машине и сразу несут в вагоны, чтобы глаза своим калечеством не мозолили и граждан не пугали. Потому-то на улицах их не встретишь – всех по деревьям раскидали.

Молодые люди с орденами на мундирах как-то сникли – торжество встречи потускнело.

Мать Михаила Тухачевского Мавра Петровна встала из-за стола, рюмку подняла и сказала:

– Прекратите здесь страхи рассказывать и слезы лить. В моем доме радость – сын пусть ненадолго, но с войны вернулся, и это для меня праздник. И он – военный не в первом поколении, и все мы – жены и матери русских офицеров – будем всегда ждать их с войны и надеяться... и слышишь, будущая невестка... будем верить, что они никогда не изменят данной ими присяге служить царю и отечеству и вернуться целыми и невредимыми домой. С возвращением домой, Миша и Глеб! – Мавра Петровна залпом выпила рюмку и бросила ее на пол. Рюмка не разбилась. Мавра Петровна ударила по рюмке ногой – та рассыпалась на кусочки – Вот так! – крикнула. – Давайте веселиться!

Праздновали хорошо, как и полагается в русской офицерской семье...

Потом целыми днями гуляли по городу. А Москва такая

красивая! В один из дней зашли вечером за Ниной в госпиталь, увидели сотни раненых солдат, почувствовали нестерпимый запах карболки, нашатыря и гноя, и сразу как-то и красота, и праздник уличный померкли. Молодым людям захотелось туда, на фронт, к своим солдатам, в бой.

Походили еще по Москве, полюбовались Кремлем, осенними бульварами, ломящимися от еды магазинами, заходили в рестораны, где посетители вставали и кричали «Ура!» при виде красавцев-офицеров с боевыми наградами на необычайно красивых лейб-гвардейских парадных мундирах. Особо нравилось входить под руку с боевыми офицерами Нине; она чувствовала, с какой завистью и даже ненавистью смотрят на нее женщины в ресторанах, и это ее не забавляло, она этому радовалась. Глеб все восхищался красотой московских девушек. Михаил отводил глаза – Нина, не скрываясь, ревновала.

Вот так же они пришли в последний день отпуска в ресторан недалеко от дома. Им выделили лучший столик, прислуживать прибежал сам директор ресторана, который все заискивающе лепетал: «Что угодно героям войны? Ах, какая у нас красивая армия. Вы гвардейцы? Да-да, о чем я говорю: ваша форма, погоны, ордена – сразу видно, что вы гвардейцы». Конечно, было приятно от этого всеобщего внимания.

А в дальнем, темном углу сидел седоватый мужчина в офицерском кителе без погон, с одиноким орденом Свято-

го Станислава на груди. Мужчина пил водку и закусывал каким-то салатом; официанты старались его не замечать и пробегали мимо: столько господ офицеров с орденами и, главное, деньгами было в ресторане, а этого инвалида с трясущейся головой пускали из жалости – все-таки офицер, пусть даже бывший, но пострадал на войне. Мужчина пил и наливался злобой и, напившись, поднялся, пошатнулся – водка выплеснулась из рюмки – и стал кричать:

– Давайте выпьем за победителей над германцами под Гумбинненом! Кто выпьет с бывшим штабс-капитаном русской армии? Брезгуете? Ну тогда я один выпью! – выпил, упал на стул и заплакал. – Где она армия? Она там, в общих могилах лежит! А здесь кто? Выскочки, карьеристы, говенные штабники... Что вытаращились? Может, предложите стреляться? С удовольствием. Только ни одна сука не захочет получить от меня пулю в лоб. Дайте мне пистолет, я вас всех перестреляю!..

Пьяного сопротивляющегося мужчину в офицерском кителе без погон вывели из ресторана. Какой-то толстый, с золотой цепью на брюхе буржуа крикнул:

– Какого черта всю эту пьянь в приличные заведения пускают? Ну ранили на фронте, так что – мы виноваты?

– Заткнись! – зло крикнул Михаил Тухачевский. – А то точно получишь пулю в лоб!

Праздник был испорчен. Из ресторана уходили расстроенные, и уже больше ничего не хотелось здесь, в Москве, а

хотелось туда, на фронт, к своим боевым товарищам.

На прощание семья Тухачевских подарила Глебу красивый кожаный офицерский баул – подарок за спасенную жизнь сына. Отказываться было неудобно. Четыре дня пролетели, и молодые люди в сопровождении плачущих родителей Тухачевского и Нины поехали на вокзал.

А на вокзале, в тупике, подальше от людских глаз, выгружали из вагонов новые окровавленные обрубки русских солдат...

XIX

На фронте наступило затишье – немцы молотили французов, австрияки и русские зализывали раны поражений. Семёновский полк после Галиции вместе с армией генерала Эверта отошел, как считалось, на отдых. Командир гвардейского полка Эттер отдыхал – похаживал по тайным увеселительным мероприятиям. Отдыхал сменивший Самсонова после смерти новый командующий 2-й армией генерал от кавалерии Сергей Михайлович Шейдеман; отдыхал и новый командующий Северо-Западным фронтом генерал от инфантерии Николай Владимирович Рузский, награжденный царем за взятие Львова сразу аж двумя «Георгиями» и назначенный главнокомандующим фронтом вместо Жилинского! Ну хоть кого-то царь любил! Рузский по привычке, как улитка, в скорлупку завернулся: не трогайте, все хорошо, немец свое получил, австрияк получил, зачем наступать... Галиция всех расслабила. Забылся разгром 1-й и 2-й армий. Забылись десятки тысяч погибших. А раненые, что были отправлены в тыл и, возможно, там умерли, аж это уже не боевые потери! Русские бабы еще народят! Правда, страх перед немцами появился – и у солдат, и у офицеров, и у командующих армиями и фронтами, и у Верховного главнокомандующего, великого князя Николая Николаевича Романова... Немец спесь-то со многих посбивал! Виновного в поражениях на-

шли: главнокомандующего фронтом Жилинского отправили... в советники в том же звании и с тем же жалованьем.

И в это сонное время за каменными стенами небольшого дома в Барановичах, в Ставке, вдруг стали поругиваться главнокомандующий Северо-Западным фронтом Николай Владимирович Рузский с таким же главнокомандующим, только Юго-Западным фронтом, Николаем Иудовичем Ивановым. И слов не выбирали, да таких, что Верховный, великий князь Николай Романов, сам большой любитель «прямоты» в своей речи, только голову поворачивал от одного к другому – даже рот приоткрыл в удивлении. В Ставке находились в этот момент сразу три генерала – единственные, кто был награжден тремя «Георгиями», и все Николаи. Хоть загадывай! Так что каждый считал себя лучшим. Особенно Рузский... за особую любовь к нему императора.

Сейчас они ругались из-за Варшавы. Рузский всегда был трусом, причем трусом наглым, и во всех своих трусливых просчетах и ошибках он находил виновных. Всегда! Наверное, тем и нравился императору?

– Зачем нам Варшава? – кричал Рузский. – Да пусть ее немец забирает. Или поляки пусть сами ее и защищают.

– Ваше высочество, что такое говорит Николай Владимирович? Он что, не понимает: если мы отдадим Варшаву немцам, мы фактически проиграли войну? Да и как мы сможем наступать в Галиции, если Варшавы не будет? – возражал Иванов.

– Варшава – не Петроград и не Москва. Пусть Гинденбург увязнет в Варшаве, а мы со стороны Ивангорода и Новогеоргиевска потом ударим ему во фланги, – продолжал настаивать Рузский.

– Какие фланги? Варшава – крупнейший в Европе железнодорожный узел. Да если немец ее возьмет – мы до Петрограда раком пятиться будем, – кричал Иванов.

Иванов был и посмелее, и поумнее Рузского, не зря же поговаривали, что он был сыном то ли кантониста, то ли ссыльнокаторжного. Иванова поддержал и его начальник штаба фронта Михаил Алексеев:

– Ваше величество, если Варшаву сдать, мы из-за возможного удара немцами нам в фланг покатымся и сдадим австрийцам всю Галицию. И если только Галицию!..

– Тогда, ваше высочество, я умываю руки. Если так угодно, то пусть Николай Иудович и берет на себя всю ответственность за операцию по защите Варшавы, – выдал уже заготовленный ответ Рузский. Ему этого и надо было. Он всегда находил виноватых. Талант у него был такой.

Великий князь задумался, но ненадолго. Голова у Верховного была.

– Варшава – это не просто столица Царства Польского, это форпост нашей империи. Отдать Варшаву – проиграть войну! – проговорил Романов. – Я согласен с Николаем Иудовичем и назначаю его ответственным за защиту Варшавы. Но прошу, Николай Иудович, отдайте вторую и пятую армии

Николаю Владимировичу. Как же он будет воевать без армий? У вас все-таки армия генерала Эверта остается.

Коля Лукавый был русским офицером и не трусом и за место Верховного не держался – он любил правду говорить: что думал, то и говорил. Лучше бы прежде думал.

Русский своего добился – виновный, если что, найден. Решение было принято, и на фронте опять наступила тишина. Генерал Эверт же не знал, что его армия стала ответственной за Варшаву. Он спал!

Не отдыхал только уже генерал-полковник и уже командующий Восточным фронтом Пауль фон Гинденбург.

– Эрих, – сказал он своему начальнику штаба Людендорфу, – Русские считают, что у нас ничья? Они и в битве при Бородине считали, что Наполеон не выиграл, а сами потеряли половину армии и сдали Москву. Так что давай-ка поставим им шах и мат! Поехал я в генштаб.

Его авторитет был уже непререкаем, и он, договорившись в Германском полевом генштабе, забрал корпуса с Западного фронта, создал новую армию под командованием все того же Августа Макензена и ударил в стык русских фронтов по армии спящего генерала Эверта. И этого удара никто не ожидал и об этой армии никто в русской Ставке не ведал! И побежала армия к Варшаве. Немец с такой дисциплиной и с такой яростью ударил по русским дивизиям, что в считанные дни оказался перед мостами через Вислу. Армия рус-

ская, не научившись воевать, научилась бегать, особенно ее командующие.

Русский кричал в Ставке:

– Я говорил, я предупреждал! Во всем виноваты командующий Ренненкампф и... этот новый командующий 2-й армией Шейдеман. Еще один немец на нашу русскую голову! Всех их надо выгнать! Если не будет принято мер, я буду жаловаться императору!

И ведь жаловался! Еще как жаловался – Ренненкампфа с Шейдеманом с постов сняли! Да и великий князь Николай Николаевич был известный германофоб. А их императорское величество, как известно, сильным характером никогда не отличался.

Преградой для прорыва немцев в город могли стать Висла и варшавские форты. Когда в Ставке об этом заговорил Верховный, Русский замахал руками:

– Вы о чем, ваше высочество? Какие форты? Их давно уж нет, разрушились от времени. Да и чем защищать?

– Так вам же, Николай Владимирович, две армии отданы? Вот их и надо бросить в бой.

– Что вы, что вы, ваше высочество, они не готовы... да и бегут, ах, как бегут – удержать невозможно.

– И что же тогда делать?

– А я говорил: надо сдать Варшаву.

– Но... как сдать? Это же Варшава. Понимаете вы или нет – Варшава?!

– Понимаю. Но не я ответственный за Варшаву, а Николай Иудович. Вот пусть он и отвечает.

– Надо будет, отвечу, – сказал Иванов, а сам побледнел. Он в этой ситуации не хотел отвечать.

– Объясните: что все это значит? – спросил Романов. – Вы же говорили, что на варшавском направлении у немцев свежих сил нет. Все на Западном фронте. Откуда тогда это наступление?

– Не знаем! – ответили честно русские генералы.

– И что прикажете делать?

– Сдать Варшаву, – ответил Рузский.

– Остановить бегущих и драться, – ответил Иванов.

– Господи, Гинденбург опять нас провел, – прошептал Верховный главнокомандующий и вдруг зло крикнул: – Ваши высокопревосходительства, пойдите отсюда вон! Запомните: если сдадите Варшаву, я сам, лично, сорву с вас погоны, и пусть после этого государь выгонит меня из армии, но я это сделаю! Клянусь! Даю вам два дня, чтобы остановить бегство армии! Не остановите – можете стреляться, как Самсонов!

Генералы выбежали из кабинета. Рузский шипел: «Сравнил меня с Самсоновым?! Стреляйтесь! Ишь чего захотел, чтобы я отвечал за чужие промахи... Дудки – пусть Иванов с Эвертом и отвечают. А я подожду, что да как получится. Известно же: пришедший на поле боя последним, всегда выигрывает – главный закон войны».

Казалось, варшавские форты существовали всегда, как всегда существовала для Варшавы возможность нападения германцев на этот польский город. И именно по левому берегу Вислы были построены эти форты – прекрасные военные сооружения с толстенными стенами, арочными переходами, пакгаузами, смотровыми площадками и подвалами. Даже для тяжелых орудий этой, технически революционной мировой войны форты оставались сильной крепостью, защищавшей город и мосты через Вислу.

Лучшие погибают первыми! Семеновский полк уже не дробили – слишком велики были потери в полку: за три месяца войны погибла треть состава. Для пополнения наспех отбирали уже не на мобилизационных комиссиях, а в запасных частях: тех, кто отличился храбростью, смекалкой, но и ростом и национальностью подходил; брали только русских. И все равно гвардия гибла.

Серошинельная человеческая река, не слушая команд и приказов своих командиров, выкатив глаза от носившихся меж солдат слухов о силе немцев, о неизвестных, но где-то уже наступивших окружениях, в страхе текла и текла между фортами по мостам в Варшаву. И уже открыто кричали: «Опять немец нам август месяц показывает... Опять предательство в штабах... А может, в Ставке или... повыше... Там одни немцы засели...» – и этот трепет измены бежал впереди отступающей армии, и достигал Петербурга, и кружился

метелью в светских салонах знати и на фабриках среди рабочих. Уже в четырнадцатом закружил!

А за бегущими дивизиями спокойно, не торопясь, шел со своей армией Макензен. Он знал – Варшаву он возьмет. Так приказал ему Гинденбург. А Гинденбург никогда не ошибается.

Паника от отступающих русских войск передалась населению города, и по улицам и дорогам плотной рекой потянулись на восток автомобили, повозки и бегущее население. Наступал хаос.

Верховный главнокомандующий, человек сильной воли, чуть не плакал: «Сволочи, суки, бл... Кто поможет? Кто?» – и, ударив кулаком по столу, приказал адъютанту срочно вызвать командира лейб-гвардии Семеновского полка Ивана Севастьяновича Эттера, а когда тот появился в кабинете, обнял генерала и, как будто боясь, что их услышат, горячо зашептал на ухо:

– Ваше превосходительство, Иван Севастьянович, видите, что делается – бегут, сволочи! Остановить надо. Нет-нет, я не приказываю, чтобы, как тогда, под Таранавками, по зубам или, не дай бог, стрелять. Здесь бесполезно. Прошу вас, задержите германца, пусть на день, хорошо бы на два, пока эти говенные командующие очухаются... Направьте полк в форты, Висла и форты – вот единственная преграда... И конечно, героизм гвардейцев. Прошу вас, Иван Севастьянович, как можно быстрее... займите форты.

– Ваше высочество, гвардейцы насмерть встанут в фортах, но удержать мосты через Вислу – боюсь, это невозможно.

– Для ваших орлов ничего невозможного нет. Так и передайте вашим гвардейцам. Пусть вспомнят Нарву. А это новая Нарва.

Сам Ванечка в форты не поехал – хотя бы посмотреть, где будут умирать его гвардейцы; генерал свиты его величества – и в окопы?! Это уж слишком! У него для этого были боевые командиры батальонов и рот. Он со штабом остался в Варшаве. А батальоны рослых гвардейцев, расталкивая в стороны бегущих навстречу солдат, опрокидывая и скидывая с мостов повозки, как нож через масло, прошли сквозь отступающие в панике войска на левый берег Вислы и заняли стоявшие перед мостами форты. Еще и орудия и пулеметы с собой привезли.

Капитан Данин собрал в круглой башне форта «Алексей» командиров и старших офицеров рот, в том числе поручиков Тухачевского и Смирнитского.

– Господа офицеры, вы видели что происходит. Бегут! Нам дан приказ – удержать мосты через Вислу и не дать немцам ворваться в Варшаву. Два дня! Это даже не приказ, это просьба Верховного главнокомандующего. Он просит нас помнить Нарву и верит в нас! Я осмотрел, как вы расположились на своих позициях, и, признаюсь, очень доволен увиденным. Вы должны знать, что это будет смертельная схватка и многие из нас погибнут, но мы русские офице-

ры, лейб-гвардия императора. Так умрем же за свое отечество и за своего государя! Вот что я хотел вам сказать – идите и с честью исполняйте свой долг. Впрочем, может быть, у кого-то из вас есть ко мне вопросы? – врожденная вежливость Сергея Петровича в обращении с подчиненными была известна всем. Посмеивались, но уважали. Знали: за этой интеллигентностью стоят воля и беспрекословность исполнения своего долга.

– Господин капитан, – обратился Тухачевский к командиру батальона, – позвольте высказать предложение?

– Мы вас слушаем, поручик Тухачевский.

– Я думаю, нам надо бояться ночных атак, поэтому предлагаю вдоль форта, где проходят дороги, вырыть траншеи, замаскировать и посадить небольшие отряды по десять-двадцать человек с пулеметами.

– Почему ночных атак? И зачем маскировка?

– А днем к фортам незаметно подойти почти невозможно. А маскировка от авиации противника.

– Мысль хорошая. Командиров рот прошу выделить необходимое количество гвардейцев под команду поручика Тухачевского, – и засмеялся: – Хорошо, что у нас есть лопаты. Есть еще предложения?

– Разрешите, господин капитан?

– Да, поручик Смирнитский, говорите.

– Форты – прекрасные укрепления, но есть один серьезный недостаток – связь. Здесь плохо работает радио. Я пред-

лагаю увеличить количество вестовых у вас, Сергей Петрович, и у командиров рот. И сделать это как можно быстрее, чтобы научить солдат ориентироваться в переходах форта. Немцы прослушивают наше радио, и очень хорошо. Мы по радио будем посылать ложные приказы, ложные сведения о количестве защитников, ложные атаки и отступления. Справа от нас в форте номер 6 укрепился первый батальон – давайте с ними договоримся о радиоигре. Пусть немцы и слушают наши переговоры. А наговорить мы можем такого... И о количестве защитников, и о количестве орудий, и о раненых, и о панике... Мы их запутаем. Выигрывает тот, у кого лучше связь, точнее, умнее связь.

– Штабс-капитан Хлопов, вы не возражаете, если мы заберем от вас поручика Смирнитского? Поручик, сколько вам необходимо человек?

– Я думаю, взвод. Это у нас будет взвод связи.

– Слышите, господа, в русской армии появилось новое воинское формирование – взвод связи, – опять засмеялся Данин. – Вы, поручик Смирнитский, все с идеями, и, признаюсь, неплохими идеями. Мне, господа офицеры, очень нравится ваше желание воевать здесь долго, – Данин повернулся к узким окнам и проговорил с горечью: – Посмотрите, как бегут. Как красиво бегут. Позор! Хотя бы за форты цеплялись...

XX

Новая армия Макензена почти без сопротивления, строевым шагом, посмеиваясь и удивляясь легкости бега русских войск, налегке, обгоняя свою застрявшую в грязи артиллерию, дошла до Вислы и была готова так же легко перейти по мостам через реку, но натолкнулась на стену – на форты. Из-за стен фортов встретили немцев так подготовленно, так умело, таким метким огнем пушек, пулеметов и винтовок, что немцы, не ожидая такого сопротивления, растерялись, остановились, а затем побежали от фортов, теряя сотни своих солдат.

– Макензен, ты чего застрял? – с шумом выдохнул сквозь свои огромные, торчащие в стороны усы Пауль фон Гинденбург. – Ты уже должен быть в Варшаве. А ты где – топчешься около мостов?

– Так форты...

– Какие еще, к черту, форты? Людендорф, о чем он говорит?

– О фортах, Пауль, о фортах. Никто не предполагал, что русские укрепят форты. По нашим данным, полученным из штаба командующего фронтом Ружского, Варшаву решено было не защищать, а тут... Мы даже не знаем, кто отдал приказ защищать эти мосты. Знаем только, что там гвардия, – перехватили радиопереговоры. Русские, как всегда, откры-

тым текстом шпарят. Но не знаем, сколько там войск: по одним данным один батальон, по другим полк, а по третьим вообще дивизия.

– Какая гвардия? Это те, что у тебя выскочили из окружения, когда мы раздавили армию Самсонова? Это те, что не дали нам выиграть битву под Таранавками? Что происходит, Людендорф: какие-то гвардейцы останавливает армию? Если бы это была австрийская армия, я бы, может, и понял, но немецкую!.. Сотри их с лица земли, Август, иначе я сотру тебя! На пенсию отправлю!

– Но, мой генерал, это же форты!

– Что форты? Подтяни тяжелую артиллерию, устрой им ночную атаку... Черт, Макензен, я должен тебя этому учить? Людендорф, дайте ему все, что необходимо, но чтобы я больше не слышал об этих фортах и об этих гвардейцах! Вперед! Следующее сообщение от тебя, Август, должно быть из Варшавы! И моего оболтуса из своего штаба забери, нечего ему там штаны протирать – пусть воюет, как все!

Август Макензен пришел в свой штаб и вызвал пополневшего от безделья и вина Оскара Гинденбурга.

– Оскар, это не мой приказ – твоего отца. Бери обратно свой полк и ночью возьми форты.

– Почему ночью?

– Днем ты весь полк положишь.

– Генерал, давайте пошлем два полка, три и возьмем форты штурмом.

– Оскар, я думал, ты в своего отца, который ценит каждого германского солдата. На узком пространстве перед фортами и полку-то не развернуться; ты хочешь положить всех? Не выводи меня из себя. Я сказал: ночью! Иди и будь достоин своего отца. Тебе пора стать подполковником.

Майору Оскару Гинденбургу очень хотелось стать подполковником, а потом и генералом, как отец, и еще очень хотелось иметь Железный крест с дубовыми листьями за храбрость. Он выехал в полк, собрал штаб, выслушивать никого не стал, ткнул тонким хлыстом на карте в Вислу и рявкнул:

– Приказываю ночью перебить всех этих русских свиней, засевших в фортах, и быть в Варшаве. Первым десяти достигшим правого берега Вислы лично приколю на мундиры Железные кресты за храбрость. Вперед! На вас смотрит сам Гинденбург! – По-видимому, имел в виду себя.

Тухачевский оказался прав: немцы ночью без единого выстрела в полной темноте подошли к фортам на участках, где не было даже старых, осыпавшихся, заполненных осенней стоялой водой рвов, и, не дойдя до стен, были встречены огнем из пулеметов и винтовок. Немцы не отступали: они, как исступленные, волна за волной бежали к фортам, умирали под огнем, падали от разорвавшихся гранат, перегруппировывались, меняли место атаки и вновь натыкались на русский огонь, как будто этих русских солдат было так много, что они занимали все поле перед фортами или заранее знали, где, когда и какими силами немцы идут в атаку. Немцы пере-

хватывали все радиотелеграммы, которыми открытым текстом переговаривались русские, и знали, что у русских паника, что большие потери, что особо тяжело на том-то и том-то участке боя, и бросали туда новые роты, но никак не могли прорваться к мостам. С рассветом бой стих. Оскар Гинденбург, получив осколочное ранение в ногу, был отправлен в тыл, в госпиталь. Полк его лежал мертвый перед фортами. Над несколькими сотнями выживших, обезумевших от боя, смертельно уставших солдат полка назначили командиром молоденького лейтенанта Генриха Штюмера, и, дав отдохнуть сутки, вновь бросили на форты.

Немцы еще два дня штурмовали форты. И падали мертвыми.

Узнав о гибели целого полка, о серьезном ранении сына, Гинденбург взбеленился:

– Август, ты идиот! Я тебя заставлю лично поехать к каждой матери погубленных тобою солдат и на коленях просить у них прощения за гибель их сыновей!

– Но я все делал, как вы приказали: мы атаковали ночью...

– И что? – перебил Гинденбург.

– Они уничтожили полк... вашего сына.

– Лучше бы они и его убили. И тебя, Август, в придачу.

Сколько русских в фортах?

– Не знаю...

– Как это?

– Мы перехватываем все их переговоры и никак не можем

понять, сколько в фортах русских войск. Единственное, что точно известно, – там гвардия.

– Я об этом уже слышал. Август, лучше бы мне вместо тебя иметь такую гвардию и таких командиров. Ты третий день стоишь перед фортами. Если через два дня тебя не будет в Варшаве, сразу, не заезжая сюда, уезжай в свое поместье. На пенсию, сукин ты сын!

Атаки прекратились. Были подтянуты тяжелые орудия и начались методичные обстрелы фортов. Досталось и Варшаве – пригороды горели, унося в пламени горящих домов жизни сотен безвинных людей. Дом Владислава Смирнитского не пострадал, но вся семья хоронилась в просторном подвале.

Форты немцы взять так и не смогли!

На пятый день командующий армией генерал Эверт наконец-то проснулся и, отбросив противника, вышел во фланг немецкой армии. Проснулся и Рузский – он всегда поспевал вовремя, когда пахло победой. Над немцами нависла угроза полного разгрома.

Гинденбург приказал отвести войска на границу Восточной Пруссии и – вот же неугомонный – тут же бросил армии на Лодзь!

Большого позора для русской армии не было.

Вначале немцы окружили русских в Лодзи!

Потом русские окружили немцев!

Потом благодаря приказам командующего фронтом Руз-

ского немцы спокойно, без потерь, вышли из окружения!

Слава русским командующим!

Государь немножко пожурил Ружского и оставил на прежней должности!..

XXI

Командир Семеновского полка Эттер – Ванечка – ходил гогольком: как же, опять его гвардейцы спасли русскую армию от позора. То, что гвардейцев осталось чуть больше половины, конечно, ему было очень жаль, и давило в груди, и слезы наворачивались, но орден Святого Георгия 3-й степени на полосатой шейной ленте, врученный самим государем императором, да любимое царское трехкратное лобызание как-то легко сняли с генерала траур по погибшим гвардейцам – сам-то он мало представлял, что там, на фортах, происходило – даже связи не было, почему-то не отвечало радио. Правда, в штабе полка переговоры гвардейцев слышали, но так и не могли понять, о чем они говорили – какая-то чушь. А тут еще бал в переименованном Петрограде в честь генералов-победителей, где красавец Иван Севастьянович, как всегда, был у столичных дам нарасхват... Жизнь удалась!

Тухачевского наградили «Святой Анной» 3-й степени. Смирнитскому вновь вручили польский орден: Золотой крест Святого Станислава 2-й степени на шейной ленте. И десятидневный отпуск поручики получили.

Друзья зашли в варшавское ателье и сфотографировались на память: два молодых офицера стоят строгие, красивые, в необыкновенно красивой гвардейской парадной форме, с

орденами-крестами на груди, с шашками со свисающими темляками. Глеб свою фотографию оставил у Смирнитских, Тухачевский повез с собой в Москву, родителям.

– Следующий, Миша, точно «Георгий»! – сказал Глеб.

– И тебе, Глеб, того же желаю!

Друзья обнялись и радостные пошли собираться в отпуск.

А в Москве была ранняя зима, выпал первый пушистый снег, и от этого белого цвета город стал еще красивее. По заснеженным улицам ездили кареты и пыхтели автомобили, и никто еще не готов был вытащить санки, но радовались этому первому снегу необыкновенно, как будто он скрыл под собой что-то старое, страшное, некрасивое, омерзительное. Магазины всё так же ломались от еды, рестораны были открыты всю ночь, и всю ночь в них играла музыка и гуляла веселая публика. В знакомом ресторане в углу так же одиноко сидел тот же мужчина, только более постаревший и поседевший, и все так же, напившись, кричал, чтобы выпили за героев Гумбиннена, но его уже никто не выводил из ресторана, никто не обращал на него внимания – таких одиноких, в офицерских формах без погон, с наградами и без, с одной рукой или одной ногой, было уже много, и все они пили водку и требовали выпить за них, за героев этой войны...

Сильно сдал и болел отец Михаила Николай Николаевич Тухачевский – сердце пошаливало. Но все искренне радовались приезду, как говорила Мавра Петровна, «сыновей», а Нина, не скрываясь, загибала тоненькие пальчики, считая

оставшиеся месяцы до апреля, до свадьбы. И все знали, что свадьбе быть, и тихонечко готовились к ней.

На прощание родители подарили Михаилу и Глебу красивые офицерские полушубки, только-только появившиеся, только вошедшие в моду в обеих столицах среди невоюющих штабных офицеров. Где и как достали, не рассказывали. И оба поручика, такие красивые, со скрипящими портупьями и ремнями, с пристегнутыми наградными шашками, вызвали у окружающих еще большее восхищение и зависть. Отпуск пролетел мгновенно, и, пообещав вернуться к свадьбе, молодые люди, зацелованные и облитые слезами родных, уехали обратно в полк, на войну.

А Москва была так необыкновенно красива в эту первую военную зиму.

Заканчивался 1914-й – бесславный год войны. Для нас, для русских!

XXII

К зиме наступила та «окопная война», которая и привела к краху российскую, да и другие империи. Такая война, как червь яблоко, изнутри, медленно и беспрерывно съедала промышленные, сельскохозяйственные и человеческие ресурсы всех воюющих государств. Но всех тяжелей приходилось немцам – Германия задыхалась от войны на два фронта. Про план Шлиффена уже никто и не вспоминал: до Парижа было рукой подать, но все как-то достать не удавалось; все так зарылись в землю, в залитые водой по колено окопы, обвязались многочисленными рядами колючей проволоки, что не было сил побежать вперед по этой грязи – уж лучше в окопах сидеть, умирать в этой грязи не хотелось. Да и на востоке дела были не лучше. Как раз в феврале-марте пятнадцатого года, по расчетам и планам талантливых русских генералов, и должна была прекратиться эта война – поражением немцев, но она не заканчивалась, она топталась на одном и том же месте, на границе Пруссии и Польши. И сотни тысяч русских солдат уже лежали в общих могилах, и их души не понимали, за что же они погибли.

Но что там погибшие солдаты? Генералам русской армии вдруг понадобилась победа. Каждому своя, личная. И они опять стали ругаться в Ставке. Каждый кричал, что его направление главное, и всех больше расхрабрился вечно трус-

ливый командующий фронтом Рузский.

– Надо усилить мой Северо-Западный фронт и ударить по немцам в Восточной Пруссии! – доказывал он.

– Что-то уж больно тихо на вашем фронте, Николай Владимирович, не надумал ли какую новую каверзу Гинденбург? У вас там точно все спокойно? – встречно спросил у Рузского Верховный главнокомандующий Николай Романов. – Может, наоборот, надо ожидать их наступления и усилить оборону?

– На моем фронте Гинденбург наступать не будет. После того как он получил от нас по шее под Лодзью, у него для этого нет сил. Самое время, пока он не очухался, развить успех.

– Чего он там получил? – съязвил командующий другим фронтом Иванов. – Благодаря вам, Николай Владимирович, германцы вместо поражения преспокойно, с барабанным боем, без потерь вышли из окружения под Лодзью.

– Как вы смеете меня оскорблять, Николай Иудович? Вы там на своем Юго-Западном фронте и представления не имеете, что такое настоящая война. Перед вами кто – австрийцы?! Да они никогда не умели воевать. Ваше высочество, я настаиваю: надо, пока противник не оправился от поражений, пока он со своим планом Шлиффена все хочет войти в Париж, наступать в Восточной Пруссии, а австрияки подождут!

– Ваше высочество, но прав-то Николай Иудович, – всту-

пился за своего командующего начальник штаба Юго-Западного фронта Михаил Васильевич Алексеев. – Надо наступать на нашем фронте и отрезать фланговыми ударами Венгрию. Именно здесь, на этом направлении, мы можем получить быстрый и необходимый результат: разбить австрийцев и добиться выхода Австро-Венгрии из войны.

– Михаил Васильевич, а вы-то что вмешиваетесь в наш разговор? Мы уж как-нибудь с Николаем Иудовичем между собой, вдвоем, разберемся, где будет наступление. Ваша задача – вовремя карты на стол своему командующему подавать! – обрезал Рузский.

Рузский был наглым трусом!

Перепалка командующих возобновилась: замахали руками – карты фронтов полетели со столов. Коля Лукавый только головой на длинной худой шее кивал, а сам все не мог понять, кто прав: Рузский или Иванов? И принял решение (Соломон, ей-богу!):

– Не будем ругаться, господа генералы. Начнем наступление сразу на двух фронтах!

И это при том, что снабжение армий составляло десять процентов от потребностей!

– Как на двух? – удивились оба командующих фронтами. – А какими силами?

– Вы забыли, что вы командующие русской армией, которая со времен Суворова воюет не числом, а умением? Чего-чего, а удара двух фронтов Гинденбург точно не ожидает.

Да и нашим союзникам по Антанте надо помочь! Им сейчас особенно тяжело, – германские воска под Парижем, и французы опять обратились за помощью к нашему государю, а его величество сообщил свое решение мне: помочь. Значит, вы, Николай Владимирович, наступаете, как и предлагаете, в Восточной Пруссии в районе городка Августов, а вы, Николай Иудович, со стороны Буковины на Венгрию – подвел итог Верховный главнокомандующий всеми русскими войсками...

Ну кто же знал, что командующий германскими силами на Восточном фронте Пауль фон Гинденбург сидел в полевом Генеральном штабе германских войск и втолковывал его начальнику Эриху фон Фанкельхайму:

– Эрих, пора кончать с этим планом Шлиффена. «Закрывающиеся двери», «открывающиеся двери» – все это чушь. Никуда эти лягушатники от нас не денутся. Но пока мы не разобьем русских, нам Парижа не взять – они будут контратаковать нам в спину на Восточном фронте, да еще нам придется помогать не проиграть эту войну австриякам. Пятнадцатый год надо сделать годом Восточного фронта.

Фанкельхайм до войны был военным министром Пруссии и сменил в сентябре 1914 года отправленного в отставку после поражения в битве на Марне Хельмута Мольтке. С Гинденбургом они были знакомы еще до войны.

– Пауль, – отвечал он, – я тебя, как весь немецкий народ,

люблю, но понять не могу – как это ты предлагаешь устроить?

– Эрих, русские собираются наступать сразу двумя фронтами: на Восточную Пруссию и через Буковину на Венгрию.

– Я это знаю, Пауль, у меня сведения не хуже твоих. Я только не пойму, как они собираются наступать, если у них некомплект полков на треть, а снарядов почти нет? Я бы еще понял, если бы они сконцентрировали свои силы на одном направлении, но на двух...

– А я о чем? Я предлагаю передать мне одиннадцать корпусов с Западного фронта и четыре резервных корпуса из Германии...

– Пауль, откуда ты знаешь про резервные корпуса? Это же сверхсекретные сведения...

– Для русских! – перебил Гинденбург. – Я создам новую армию в Восточной Пруссии, и когда эти слабые, растянутые по фронту русские войска начнут наступление, я с двух сторон двумя армиями отрежу их 10-ю армию, уничтожу ее, после чего ударю дальше на северо-восток. Но это первое. Второе. Разбив русских в Пруссии, я, совместно с австрийцами, ударом группы из двадцати дивизий вот здесь, в районе Горлицы, прорву русский фронт и возьму Львов и дальше ударами с двух сторон отрежу всю Польшу. Русским конец!

– А французы? Они же увидят, что с их фронта снимают корпуса, и сообщат русским...

– Если даже и увидят, уверен – промолчат. Это они рус-

ских просят помочь, когда сами бегут, но чтобы помогать русским? Эрих, если такое случится, я сразу уйду на пенсию!

– Когда меня выгонят на пенсию, я попрошу, чтобы Генеральный штаб возглавил ты.

– Ошибаешься, Эрих, мне этого мало: штаб пусть возглавит умница Людендорф, а мне нужны все германские вооруженные силы.

– Ты хочешь занять место Верховного главнокомандующего? А император? Значит, мне пора в отставку, – грустно сказал Фанкельхайм – Я знаю, что все будут против такого плана, но я подпишу такой приказ. Пауль, на тебя молится вся Германия.

– Я не против, чтобы молилась. Мои планы на этом еще не закончились.

– Пауль, может мне годика на три пойти на пенсию, а потом вернуться?

– Попробуй, Эрих, но скажу тебе как другу: ничего хорошего на пенсии нет.

Главным театром военных действий на 1915 год был избран Восточный фронт.

Русские об этом не знали!

Сняв с Западного фронта 11 корпусов и добавив еще 4 резервных корпуса, Гинденбург создал в Восточной Пруссии новую армию, которую проспал командующий фронтом Рузский. Целую армию!.. И союзники по Антанте проспали – не ведали, что с их фронта немцы войска снимают. А может,

знали, да промолчали?

– Герман! – говорил Гинденбург командующему новой, неизвестной русским армии Герману фон Эйхгорну. – Я тебя выдернул с пенсии не для того, чтобы ты продолжал прохлаждаться. Я тебе вручаю армию, чтобы ты прикончил русских. На тебя смотрит вся Германия! На тебя смотрят смертельно уставшие голодные немцы. Не мне и не тебе – эта победа над русскими нужна нашим Гансам и Мартам! Иди и принеси им эту победу!

Через час Гинденбург примерно то же самое говорил командующему другой армией Отто Белову:

– Отто ты командуешь моей 8-й армией. Для меня она – как Великая армия для Наполеона. Иди и раздави русских. И вообще, Отто, тебе пора получить «Голубого Макса», Макензен тебя обогнал. Так догони его!

– Вы, ребята, – уже на прощание, посылая их в бой, сказал генералам Гинденбург, – зажмите эту 10-ю русскую армию, и чтобы ни один солдат не смог вырваться. Раздавите и убейте всех! Пленных можете не брать. Спишем все на мороз!

И когда генералы, щелкнув, как какие-то лейтенанты, перед великим Гинденбургом каблуками, вышли, он тут же вызвал командующего 11-й армией Августа фон Макензена.

– Август, – сказал Гинденбург, – тут Отто и Герман решили тебя обскакать – разбить русских в Пруссии. И хотят получить по «Голубому Макс», а то Отто считает себя обиженным: ты-то получил за Самсонова, а он нет. Но, Август,

я тебя в обиду не дам. Пока они будут расправляться с русскими здесь, в Пруссии, ты со своей армией ударишь в районе Горлицы и возьмешь Львов. И помни, Август, на тебя смотрят голодные немцы. Они хотят масла и хлеба, они хотят победы. Принеси им и то и другое. И прошу тебя русских не жалеть. Пора с ними кончать!

Подействовало. Каждый решил, что он-то и есть главный. И без ругани!

А в русской Ставке всё доказывали, кто имеет больше прав на победу... Что-что, а шкуру убитого медведя в России делить умеют. И начали наступление на двух фронтах. Через два дня наступление захлебнулось: а с чего ему развиваться, если на орудие было десять снарядов, а фронт 10-й русской армии был растянут аж на 170 километров?

Странно все-таки: когда плохо на фронте у французов, так русские солдаты должны умирать, а как Гинденбург корпуса с французского фронта снял и бросил на русских, французики обрадовались... и поехали в Париж, на Монмартр – вино пить да с девочками в постелях валяться.

И пошли с двух сторон на русские корпуса две немецкие армии. Отто фон Белов со стороны Мазурских озер, которые он хорошо знал еще по августу 1914 года, так врзал с запада по 10-й русской армии, а командующий другой немецкой армией, о которой никто не знал, Герман фон Эйхгорн так добавил с севера, что русские побежали, умирая под орудийным огнем и копытами немецких лошадей, да так быстро по-

бежали, что корпус генерала Булгакова за спиной оставили. Немцы его в кольцо и взяли. А к корпусу был приписан лейб-гвардии Семеновский полк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.